ПРАВО

№ 29. 1911 г.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КНИЖНЫИ СКЛАДЪ

„ПРАВО“.

С.-Петербургъ, Владимірскій проспектъ, д. № 19. Телефонъ 41—61.

Комиссіонеръ Государственной типографіи.

Сенаторъ К. П. Змирловъ.

ОБЩІЙ УСТАВЪ РОССІЙСКИХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ.

(**Изд. 1906 г**) и обнародованныя по **Мартъ 1911 г.** въ измѣненіе, дополненіе и развитіе его узаконенія и правила, съ законодательными мотивами, на которыхъ основанъ Уставъ, разъясненіями Пр. Сената, замѣчаніями составителя и алф. предметнымъ указателемъ.

Изд. 3-е, переработанное и дополненное.

СПБ. 1911 г. Стр. XLIV+1082. Цѣна 6 р. 50 к. (въ перепл.).

Прис. Пов. Я. А. Канторовичъ.

ЗАКОНЫ О СОСТОЯНІЯХЪ.

(**Св. Зак. Т. IX, изд. 1899 г. по прод. 1906, 1908 и 1909 гг.**), съ разъясненіями, извлеченными изъ кодификаціонной объяснительной записки къ законамъ о состояніяхъ, изд 1899 г.,—опредѣленій 1-го, 2-го Д-та и Д-та Герольдіи Пр. Сената,—рѣшеній Кассац. Д-товъ и Общихъ Собраній Пр. Сената,—циркуляровъ и распоряженій министерствъ, — указовъ и циркуляровъ Святѣйшаго Synода, — съ приложеніемъ алф. предметнаго указателя.

Изданіе 2-ое, значительно дополненное.

Спб 1909 г. Стр. XII+1024. Цѣна 5 р. 50 к., въ перепл. 6 р.

ЕГО ЖЕ: Авторское право на литературныя, музыкальныя, художественныя и фотографическія произведенія. Законъ 20 марта 1911 г., съ разъясненіями и алф. предм. указателемъ. СПБ. 1911 г. Стр. 424. Цѣна 1 р. 50 к., въ перепл. 1 р. 80 к.

Асосковъ, К. Разрѣшитель вопросовъ по нотаріальному и матеріальному праву. Изд. 3-е, пересм. и дополн. 1911 г. Ц. 3 руб.

Войтинскій, І. С. Коллективныя соглашенія объ условіяхъ труда (тарифный рабочій договоръ), какъ проблема законодательства. 1911 г. Ц. 30 к.

Гессенъ, В. М. Исключительное положеніе. 1908 г. Ц. 2 р.

— Подданство, его установленіе и утрата. т. I. 1908 г. Ц. 3 р.

Дернбургъ, Г. Пандекты. Обязательственное право. 1911 г. Ц. 2 руб., Семейственное и наслѣдственное право. 1911 г. Ц. 2 р. 75 к. (въ перепл.)

Жеребцовъ, В. О. Предварительное сходство. Изд. 2-ое, перераб. и дополн. 1911 г. Ц. 1 р. 25 к.

Колебаніе курсовъ. всѣхъ процентныхъ бумагъ на С.-Петербургской биржѣ за послѣдніе 7 лѣтъ. 1911 г. Ц. 1 руб.

Малянтовичъ П. Н. и Муравьевъ Н. К. Законы о политическихъ и общественныхъ преступленіяхъ. Практическій комментарій. 1910 г. Ц. 3 руб. 50 к. (въ перепл.).

Плетневъ, В. А. и Содовскій, Г. Г. Законъ о государственномъ налогѣ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ, и мѣстечкахъ, съ инструкціями образцами, формами и пр. 1911 г. Ц. 1 р.

Плеханъ, И. С. Бюджетные законы, съ разъясненіями и алф. предметнымъ указателемъ. 1911 г. Ц. 3 р. 50 к., въ перепл. 4 р.

Русская группа Международнаго союза криминалистовъ. Общее собраніе 21—23 апрѣля 1910 г. Доклады и пренія по докладамъ. 1911 г. Ц. 2 р.

„Русская Мысль“ Іюль. 1911 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сергѣичъ, П. Искусство рѣчи на судѣ. 1910 г. Ц. 3 р.

Туганъ-Барановскій, М. И. Основы политической экономіи. 2-ое перераб. изданіе. 1911 г. Ц. 2 р. 75 к. въ перепл. 3 р.

ПРАВО

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

1911 г. **№ 29.** **Воскресенье 24 Іюля.**

„Право“ издается въ С.-Петербургѣ при ближайшемъ участіи: профессора *В. М. Гессена, І. В. Гессена*, профессоровъ *А. А. Жижиленко* и *А. И. Каминка, В. Д. Набокова*, профессоровъ бар. *Б. Э. Нольде, М. Я. Пергамента* и *Л. І. Петражицкаго*.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Возмѣщеніе моральнаго (неимущественнаго) вреда. **С. Бѣляцкинъ.** 2) Новое авторское право. **Ф. С. Шендорфъ.** 3) Запродажныя за надѣльную землю. **А. фонъ-Гибшманъ.** 4) Дѣйствія правительства: а) собр. узак. и расп. прав., б) сообщеніе „Освѣдом. Бюро“. 5) Судебные отчеты: с.-петербургскій окружный судъ. (Подлогъ духовнаго завѣщанія). 6) Хроника. 7) Библіографія: Ph. Millet „La crise anglaise“. **Бориса Шацкаго.** 9) Судебная и судебно-административная практика: а) Гражданскій кассац. деп. правит. сената. б) Первый деп. правит. сената. в) Второй деп. прав. сената. г) Судебный деп. правит. сената. 9) Справочный отдѣлъ. 10) Объявленія.

РЕДАКЦІЯ (М. Конюшенная, 3. Телефонъ 3620) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 11 ч. до 1 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Непапечатанныя статьи возвращаются по представленіи надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу на годъ—10 руб. Отдѣльные номера продаются по 20 коп.

За перемѣну адреса уплачивается: городского на иногородній—50 к., въ остальныхъ случаяхъ—20 к.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Владимірскій пр., 19) открыта отъ 11 час. до 3 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней,

Продолжается подписка на 1911 годъ.

При этомъ № г.г. подписчикамъ разсылается 11-й листъ рѣш. гражд. касс. деп. за 1910 г. (безплатное приложеніе).

Возмѣщеніе моральнаго (неимущественнаго) вреда [1]).

Полвѣка тому назадъ нѣмецкій юристъ Lehman, изслѣдуя вопросъ о возмѣщеніи нематеріальнаго вреда, съ горькимъ чувствомъ замѣтилъ: «Едва студентъ переступаетъ порогъ университета, уже съ самаго начала онъ воспринимаетъ, словно истину, положеніе, что только имущественный ущербъ возмѣстимъ, всякій неэкономическій, моральный вредъ не подлежитъ возмѣщенію. Онъ можетъ открыть любой курсъ: вездѣ онъ прочтетъ то же самое». Къ этимъ словамъ извѣстнаго борца за идею возмѣщенія моральнаго вреда можно прибавить, что въ то время не только въ университетахъ, но и въ судебной практикѣ господствовало твердое убѣжденіе, что вознагражденію подлежитъ исключительно ущербъ, нанесенный имущественной сферѣ. Какія бы нравственныя муки ни причинены были потерпѣвшему, послѣдній лишенъ былъ возможности предъявлять за это требованіе, коль скоро не затронуто его экономическое благосостояніе (и сколь скоро онъ не вправѣ былъ домогаться присужденія денежной суммы, установленной спеціально какъ вознагражденіе за физическую боль—Schmerzensgeld). Делинквентъ могъ сказать потерпѣвшему: своимъ поступкомъ я нарушилъ твой покой, быть можетъ, навсегда; я заставилъ тебя проводить безсонныя ночи, исковеркалъ всю твою индивидуальную личность, но разъ въ твоемъ имуществѣ нѣтъ отъ этого минуса, мы съ тобою передъ лицомъ гражданскаго права въ разсчетѣ. Твои нравственныя страданія не стоятъ ничего: такова воля закона и права.—Прошло время, и положеніе вещей рѣзко измѣнилось. Господствующимъ стало противоположное ученіе: моральный вредъ съ точки зрѣнія гражданскаго права достоинъ не меньшаго вниманія, чѣмъ имущественный ущербъ. Судьи присуждаютъ за моральный вредъ денежный эквивалентъ. Въ такомъ присужденіи не только не видятъ ничего противоправнаго, но число сторонниковъ денежнаго вознагражденія за ущербъ въ идеальныхъ благахъ растетъ съ каждымъ днемъ. Уже тотъ фактъ, что германское гражданское уложеніе, несмотря на протесты представителей старой рутины и моральнаго ханжества, должно было открыть доступъ, правда не совсѣмъ широкій,

---

1) Докладъ, читанный въ спб. юридическомъ обществѣ 24 ноября 1910 г.

началу возмѣщенія неимущественнаго вреда, свидѣтельствуетъ о крупномъ движеніи впередъ, какое получило это начало въ правовомъ сознаніи Европы. Введеніе въ проектъ германскаго гражданскаго уложднія, а затѣмъ и въ самое уложеніе постановленій о возмѣщеніи моральнаго вреда имѣло громадное вліяніе на дальнѣйшее развитіе ученія объ этомъ институтѣ. Но съ своей стороны эти постановленія явились результатомъ окрѣпшей доктрины, которая давно и настойчиво предлагала германскому закону усвоить справедливое начало, уже принятое во многихъ европейскихъ странахъ,—«установить награды за слезы, муки и безсонныя ночи». Въ настоящее время возмѣщеніе моральнаго вреда дѣлается общимъ явленіемъ, входитъ въ кровь и плоть юридической практики повсемѣстно. Немного осталось противниковъ этого института среди ученыхъ юристовъ, между противниками немного осталось такихъ, которые принципіально выступали бы противъ начала возмѣщенія моральнаго вреда quand même, а не отрицали бы его только съ точки зрѣнія того или иного дѣйствующаго законодательства, заявляя себя въ то же время сторонниками института de lege ferenda. Такъ, австрійскій юристъ Unger, придя къ выводу, что за исключеніемъ случаевъ Schmerzensgeld'a австрійское законодательство возмѣщаетъ только имущественный ущербъ, въ то же время счелъ нужнымъ замѣтить: «Другой вопросъ, насколько основательно такое, французскому и англійскому праву чуждое и въ римскомъ правѣ не всегда выдерживавшееся, ограниченіе возмѣщенія вреда только случаями денежнаго ущерба. Должны ли подлежать гражданской защитѣ неэкономическія блага жизни, сами по себѣ, независимо отъ какой-либо связи съ имуществомъ? Необходимо ли вознаградить за вредъ какъ матеріальный, такъ и идеальный, какъ денежный, такъ и моральный, за боль какъ физическую, такъ и душевную? Не слѣдуетъ ли съ имущественнымъ интересомъ сравнять всѣ другіе неэкономическіе интересы путемъ установленія компенсаціи деньгами?» На всѣ эти вопросы, встрѣчающіе въ самыхъ широкихъ кругахъ утвердительные отвѣты, Unger безъ колебанія отвѣчаетъ также утвердительно: «Каждая реформа права возмѣщенія вреда и убытковъ должна исходить изъ этого кардинальнаго пункта»,—заявляетъ Unger [1]). Но не выдержала критики жизни и эта точка зрѣнія, ставящая возмѣщеніе моральнаго вреда въ исключительную зависимость отъ разрѣшительной буквы закона. Стоило только вообще признать идеальныя блага достойными гражданской защиты, и въ положительномъ правѣ не трудно было найти опору для этой защиты, при отсутствіи даже въ законѣ прямыхъ указаній и точной регламентаціи. Наличныя постановленія закона о возмѣщеніи «вреда» оказались настолько эластичными, что въ нихъ возможно было влить даваемое жизнью новое содержаніе. Мы видимъ въ этомъ отношеніи прогрессъ во многихъ странахъ Европы. Въ частности въ Австріи моральный вредъ возмѣщается въ дѣйствительности наряду съ имущественнымъ ущербомъ. Старая статья о «вредѣ» (Schaden), заключающаяся въ кодексѣ 1811 года, сумѣла пріютить, какъ добрая мать, не только случаи убытковъ въ имуществѣ, но считавшійся раньше незаконнымъ дѣтищемъ такъ называемый immateріальный вредъ. несмотря на то, что именно въ австрійскомъ уложеніи, съ его крайне казуистической регламентаціей возмѣщенія вреда, встрѣтилось для этого больше всего затрудненій, съ которыми пришлось бороться практикѣ. Только въ тѣхъ законодательствахъ, которыя содержатъ прямой запретъ судьѣ принимать въ соображеніе неимущественный ущербъ, осталось торжествовать древнее начало, по которому моральному вреду nulla est aestimatio. Таковъ, напримѣръ, сводъ законовъ прибалтійскихъ, принявшій точку зрѣнія римскаго права, какъ она усвоена была въ данномъ случаѣ прежними интерпретаторами: «Вредомъ признается всякій ущербъ, подлежащій имущественной оцѣнкѣ [1]). Начинаетъ пробивать себѣ дорогу принципъ возмѣщенія моральнаго вреда и у насъ въ Россіи, пріобрѣтая сторонниковъ среди юристовъ-теоретиковъ и особенно практиковъ. Симптомы проникновенія въ судебную практику этого принципа, хотя и весьма робкіе, проявляются въ отдѣльныхъ рѣшеніяхъ судебныхъ мѣстъ. Возвышеніе индивидуальной личности, все растущая многосложность отношеній, утвержденіе въ гражданскомъ оборотѣ такихъ институтовъ, какъ право изобрѣтателя, авторское право etc., запечатлѣнныхъ нерѣдко чисто личными чертами—все это и многое другое не могло въ данномъ случаѣ остаться безъ вліянія. Жизнь взываетъ къ установленію такого правового начала, путемъ котораго одинаковую реальную защиту съ имущественными благами и притомъ не только въ уголовномъ, но и въ гражданскомъ порядкѣ, получали бы блага не менѣе дорогія—идеальныя, признаваемыя правомъ, но мало огражденныя отъ посягательствъ. Кто внимательно слѣдитъ за нашей судебной практикой, могъ убѣдиться, что возмѣщеніе моральнаго вреда выростаетъ у насъ въ крупный вопросъ гражданскаго права. Значеніе вопроса усугубляется, если принять во вниманіе близость реформы нашего обязательственнаго права, а въ томъ числѣ законовъ о возмѣщеніи вреда. Проблема возмѣщенія моральнаго вреда касается предмета большой важности, которому суждено въ будущемъ играть видную роль. Выясненіе и правильное рзрѣшеніе этой проблемы связано съ существеннѣйшими интересами нашего правосудія и права.

II.

Какъ извѣстно, подъ моральнымъ вредомъ, подлежащимъ возмѣщенію, разумѣютъ страданія и лишенія физическія и нравственныя, причиненныя потерпѣвшему неправомѣрной дѣятельностью делинквента. Всякая неправомѣрная дѣятельность можетъ заключаться въ нападеніи на блага имущественныя или

---

1) Vide Lehman, „Die Schutzlosigkeit der immate-riéllen Lebensgüter beim Schadenersatz“, 1884, S. 43. Въ такомъ же смыслѣ, какъ Unger, также Randa, „Die Schadensersatzpflicht nach österreichischem Rechte“, 1907, S. 147.

1) Ст. 3435 свод. зак. прибалт.

блага личныя. Но съ точки зрѣнія возмѣщенія вреда важно не благо, на которое совершено нападеніе, а результатъ нападенія, насколько онъ отразился на имущественной или моральной сферѣ пострадавшаго. Посягательство на личное благо влечетъ за собой нерѣдко чисто имущественный ущербъ: нарушеніе цѣлости органа человѣческаго тѣла приводитъ къ потерѣ трудоспособности и заработка, т. е. къ имущественнымъ убыткамъ, публичное оскорбленіе чести подрываетъ кредитъ оскорбленнаго. Все это посредственный имущественный вредъ, отличающійся отъ имущественнаго вреда непосредственнаго тѣмъ, что въ первомъ случаѣ неправомѣрная дѣятельность имѣетъ прямымъ объектомъ не экономическое благосостояніе страдающаго лица, а его личный и идеальный міръ, убытки же являются косвеннымъ результатомъ этой дѣятельности. Моральный вредъ не заключаетъ въ себѣ никакого имущественнаго элемента, являясь страданіемъ или чисто физическимъ или чисто нравственнымъ. Кто-либо терпитъ обиду безъ всякаго оттѣнка экономической убыли, подвергается лишенію органа тѣла, не отражающемуся на трудоспособности. Причинено обезображеніе лица женщины, не собиравшейся выходить замужъ. Моральный вредъ можетъ явиться результатомъ нарушенія не только идеальныхъ, но и имущественныхъ благъ, въ томъ случаѣ, когда уничтоженное или поврежденное имущество имѣетъ для потерпѣвшаго особое значеніе, особую субъективную цѣнность (вещь, съ которой связано дорогое воспоминаніе, портретъ умершаго родственника, семейныя бумаги—Affectionsachen). Если подъ возмѣщеніемъ вреда понимать исключительно приведеніе нарушеннаго блага въ то состояніе, въ которомъ оно находилось до нарушенія (реституцію), то, строго говоря, моральный вредъ не возмѣстимъ. Присужденіе денежнаго эквивалента, способное устранить имущественный ущербъ, не въ состояніи погасить вредъ моральный. Органъ человѣческаго тѣла отрубленный, душевное спокойствіе отнятое не покупаются и не продаются. Но невозможность реституировать для потерпѣвшаго, уничтожить для него причиненный моральный вредъ еще не означаетъ, что немыслимо возмѣщеніе въ иномъ смыслѣ, немыслимо такое удовлетвореніе, которое могло бы и съ точки зрѣнія субъективной потерпѣвшаго и съ точки зрѣнія объективной считаться болѣе или менѣе достаточнымъ возмездіемъ за причиненныя страданія. Служащія общимъ критеріемъ и мѣриломъ цѣнностей и правъ — деньги должны и въ данномъ случаѣ явиться средствомъ удовлетворенія потерпѣвшаго. Если денежное вознагражденіе не будетъ здѣсь реституціей, то оно будетъ, по крайней мѣрѣ, компенсаціей. «Лицо, оскорбленное въ своихъ чувствахъ, въ своей репутаціи, имѣетъ право добиваться приватной компенсаціи за свои страданія»—замѣчаетъ Sourdat: «таковую ему даютъ въ деньгахъ за отсутствіемъ лучшей мѣры (on... lui donne en argent faute de pouvoir faire mieux)» [1]). Но денежное вознагражденіе является не только тѣмъ крайнимъ средствомъ, о которомъ говоритъ Sourdat: оно можетъ считаться въ нѣкоторомъ родѣ даже естественнымъ послѣдствіемъ совершившагося нарушенія. За деньги пріобрѣтаются блага, служащія къ удовлетворенію потребностей физическихъ и духовныхъ. Причинивъ ущербъ моральной сферѣ даннаго лица, отнявъ у него одно изъ духовныхъ благъ, делинквентъ долженъ быть готовъ, что съ него потребуютъ доставленія потерпѣвшему того, чѣмъ духовныя блага могутъ быть пріобрѣтены, т. е. уплаты денежной суммы. При этомъ совершенно нѣтъ надобности въ полномъ внѣшнемъ равновѣсіи между затронутымъ моральнымъ благомъ и денежнымъ эквивалентомъ. Нѣтъ необходимости, чтобы чашки вѣсовъ, на которыя положены «презрѣнный металлъ», съ одной стороны, и «моральный вредъ»—съ другой, взаимно уравновѣшивались, какъ вѣсы благонравнаго торговца. Когда дѣло касается возмѣщенія вреда въ предметахъ, имѣющихъ рыночную цѣнность, достижимо идеальное равновѣсіе, но вознагражденіе за предметы домашней обстановки, особенно старинные, за сорванные и потоптанные цвѣты въ саду или срытый и увезенный черноземъ заключаетъ въ себѣ элементы не столько реституціи, сколько компенсаціи. Здѣсь судья, не желающій ограничиться одной формальной оцѣнкой поврежденныхъ предметовъ, руководствуется не только матеріальнымъ, но и имматеріальнымъ вредомъ, опредѣляя вознагражденіе за то и другое. Въ случаяхъ причиненія одного моральнаго вреда, рѣчь можетъ идти исключительно о компенсаціи.

За моральный вредъ судъ опредѣляетъ особое денежное вознагражденіе по свободному усмотрѣнію, основанному на соображеніи индивидуальныхъ обстоятельствъ каждаго дѣла.

Въ такомъ видѣ усваивается идея возмѣщенія моральнаго вреда современными законодательствами и судебной практикой культурныхъ странъ. Идея возмѣщенія моральнаго вреда предполагаетъ извѣстное развитіе правового чувства и среду, въ которой личность и личныя права пользуются достаточнымъ уваженіемъ. Тамъ, гдѣ право отказалось отъ узкаго взгляда гражданской защиты исключительно имущественныхъ правъ, гдѣ въ гражданскомъ правѣ видятъ средоточіе интересовъ не матеріальныхъ по преимуществу, а матеріальныхъ и духовныхъ въ равной мѣрѣ, тамъ принципъ вознагражденія за нематеріальный вредъ получилъ самое широкое распространеніе. Знакомство съ иностранными законодательствами и особенно съ иностранными судебными рѣшеніями можетъ убѣдить въ томъ, что возмѣщеніе моральнаго вреда является признаннымъ институтомъ въ большинствѣ культурныхъ странъ. Такое явленіе объясняется не какими-либо исключительными причинами или своеобразными особенностями этихъ странъ, а получающимъ универсальное значеніе общегуманнымъ чувствомъ, которое диктуетъ необходимость приватной компенсаціи со стороны виновнаго для униженнаго и оскорбленнаго.

Страна, раньше всего и больше всего усвоившая принципъ возмѣстимости моральнаго вреда—это, какъ извѣстно, Англія. Англійское право при возмѣщеніи

---

[1]) Sourdat, «Traité général de la responsabilité ou de l'action en dommages-intérêts en dehors des contrats» 1902, t. 1, p. 29.

вреда не дѣлаетъ никакой разницы между вредомъ матеріальнымъ и нематеріальнымъ. За всякій вредъ полагается вознагражденіе, если онъ дѣйствительный и серьезный, безъ различія того, причиненъ ли этотъ вредъ неправомѣрными дѣяніями или нарушеніемъ договора [1]). По общему правилу, при обсужденіи за имущественный ущербъ судъ не обязанъ слѣпо руководствоваться размѣромъ причиненнаго вреда: усматривая недобросовѣстность нарушителя, судъ можетъ возложить на него отвѣтственность не только въ количествѣ причиненнаго, но и сверхъ этого количества. Остатокъ, превышающій дѣйствительные убытки, является вознагражденіемъ за моральный вредъ. Въ одномъ случаѣ вознагражденія за обольщеніе дѣвицы судья, обращаясь къ присяжнымъ засѣдателямъ, разрѣшающимъ въ Англіи вопросъ о размѣрѣ убытковъ, указалъ, что англійское право знаетъ своеобразные иски, предъявляемые ради примѣрнаго воздѣйствія (for exemple's sake). «Хотя экономическій ущербъ дѣвицы въ данномъ случаѣ можетъ не превосходить 20 шиллинговъ—пояснилъ судья,—однако жюри имѣетъ право назначить совершенно свободное вознагражденіе [2]).

Возмѣщеніе чисто моральнаго вреда—это exemplary damages, присуждаемыя, по усмотрѣнію суда, въ случаяхъ причиненія вреда чести, репутаціи, здоровью и т. д., когда объ имущественныхъ убыткахъ нѣтъ и рѣчи. Здѣсь судъ считается съ конкретными данными, конкретной справедливостью, средствами сторонъ и многими другими обстоятельствами. Иного порядка англійское право не знало и не знаетъ. «Если бы существовали на этотъ предметъ заранѣе установленные критеріи, обязательные для суда,—замѣчаетъ англійскій юристъ Mayne, то лицо, обладающее богатствомъ, вправѣ было бы при извѣстныхъ условіяхъ сдѣлаться общимъ мучителемъ. Оно могло бы подражать тому знатному римлянину, который имѣлъ обыкновеніе ходить вокругъ форума и бить по щекамъ каждаго встрѣчнаго, въ то время какъ рабъ съ кошелькомъ слѣдовалъ за нимъ, расплачиваясь за удары по установленной въ законѣ таксѣ»[3]). Exemplary damages, представляя собой съ одной стороны какъ бы наказаніе виновнаго, а съ другой—чисто приватную компенсацію для потерпѣвшаго, не является единственной формой возмѣщенія моральнаго вреда. Англійскій геній выработалъ своеобразный видъ возмѣщенія, въ гражданскомъ оборотѣ играющій громадную роль. Это—такъ называемые nominal damages, имѣющіе характеръ то очень почетный, то чрезвычайно унизительный, въ которыхъ также учитываются моменты моральнаго возмѣщенія.. Потерпѣвшій можетъ добиваться только признанія за нимъ извѣстнаго права и лишь попутно требовать какого-либо вознагражденія: судъ признаетъ право и присудитъ съ отвѣтчика нѣсколько шиллинговъ. Эти нѣсколько шиллинговъ должны свидѣтельствовать о томъ, что не только право подтверждено за истцомъ, но что отвѣтчикъ признанъ нарушителемъ (wrongdoer). Давая порою истцу большое нравственное удовлетвореніе, nominal damages въ иныхъ случаяхъ свидѣтельствуетъ о презрительномъ отношеніи къ праву истца, что бываетъ тогда, когда послѣднему дѣйствительно причиненъ вредъ, но морально онъ его заслужилъ. Присужденіе такого вознагражденія (contemptuous damages)—нерѣдкое явленіе при взысканіяхъ за превышеніе предѣловъ самообороны, и особенно въ искахъ къ представителямъ прессы за нравственный вредъ и ущербъ [1]). Широко практикуемое свободное судейское усмотрѣніе при опредѣленіи размѣра вознагражденія за моральный вредъ, примѣняемое, впрочемъ, одинаково и въ случаяхъ обыкновенныхъ убытковъ—ordinary damages—ни однимъ закономъ expressis verbis не предоставлено жюри: сама практика и житейскій опытъ санкціонировали это право [2]).

Англійская система вознагражденія за моральный вредъ удивляла и удивляетъ своей житейской гибкостью и глубокимъ практическимъ смысломъ. Неуклонное стремленіе судей давать удовлетвореніе каждому пострадавшему за счетъ виновнаго, не упуская ни одного случая, постоянное присужденіе денежныхъ суммъ съ нарушителей чужихъ личныхъ правъ и благъ,—не только съ частныхъ лицъ, но и лицъ должностныхъ—во многомъ содѣйствовали въ Англіи выработкѣ идеала гражданина и служителя государства, укрѣпляя уваженіе къ чужому праву и чужой личности какъ въ обывателѣ, такъ и въ носителѣ власти.

Нѣсколько иное, чѣмъ въ Англіи, направленіе вопросъ о нравственномъ вредѣ получилъ на континентѣ Европы. Въ Германіи медленное развитіе этого института объясняется господствомъ римскаго права, не успѣвшаго выработать законченной системы возмѣщенія моральнаго вреда. Въ Германіи долго преобладало мнѣніе, что римское право совершенно не считалось съ моральнымъ вредомъ и моральными интересами, а принимало въ соображеніе только

---

[1]) Eduard Jenks, „A digest of English civil law", Book II, part III, 1908, p. 315, 316, 326 и слѣд., 369 и слѣд.

[2]) При обольщеніи (Seduction) полагается вознагражденіе за нравственныя муки „безчестье", „потерю общества"—for the anxiety, distress, loss of society and comfort suffered by the plaintiff and for the dishonour brought uponhim. Fraser, A campendium of the law of torts, 1908, p. 102.

[3]) Mayne, „A. Treatise on the law of damages" 1909, p. 53.

[1]) См. Pollock, „The law of torts", 1908, 184—185, также Fischer and Strahan, The law of the press, 1898, p. 228.

[2]) Если судья найдетъ, что жюри при оцѣнкѣ вреда упустило что-либо существенное и размѣръ поэтому не можетъ считаться правильно опредѣленнымъ, то, въ силу выработавшейся практики, онъ можетъ устранить вердиктъ присяжныхъ и назначить новое разсмотрѣніе дѣла. Такъ, въ одномъ дѣлѣ о нападеніи жюри опредѣлило вознагражденіе за моральный вредъ въ 40 шиллинговъ. Тѣмъ не менѣе и эта небольшая сумма на основаніи того, что пострадавшій своимъ поведеніемъ отчасти самъ вызвалъ нападеніе, была признана судьей чрезмѣрной и вердиктъ отмѣненъ. Въ прежнее время судьи считали за правило не отмѣнять вердикта присяжныхъ, если сумма присужденнаго вознагражденія не превышаетъ 20 фунтовъ стерлинговъ; въ настоящее время это правило больше не дѣйствуетъ.

вредъ и интересы, оцѣниваемые на деньги. «Cicatricium autem aut deformitatis nulla fit aestimatio, quia liberum corpus nullam recipit aestimationem... [1]).

При ближайшемъ ознакомленіи съ источниками взглядъ этотъ оказывается не совсѣмъ правильнымъ: классическое право не игнорировало моральныхъ интересовъ настолько, чтобы совершенно лишить ихъ защиты. Ставя на первый планъ чисто матеріальныя блага, римское право вмѣстѣ съ тѣмъ зорко слѣдило, особенно въ послѣдующія эпохи, за тѣми случаями, когда наносилась тѣлесная или душевная рана римскому гражданину виновнымъ лицомъ, не оставляя безъ кары второго и безъ удовлетворенія перваго. Можно привести примѣры, когда денежное вознагражденіе опредѣлялось за нравственную порчу дѣтей [2]), за неправильное привлеченіе къ суду свободнаго человѣка въ качествѣ раба [3]), за оскорбленіе могилъ близкихъ лицъ и т. д. Эти указанія подрываютъ взглядъ на исключительно матеріалистическій характеръ римскаго права. Хотя нельзя игнорировать значенія цитированныхъ мѣстъ источниковъ, касающихся неоцѣнимости матеріальныхъ благъ, но при наличности другихъ мѣстъ, прямо противоположныхъ по содержанію, первыя получаютъ ограничительный смыслъ правилъ, не идущихъ далѣе того предмета, котораго они спеціально касаются, и не имѣющихъ общаго характера. Въ Римѣ первоначально при примѣненіи lex Aquilia принимали во вниманіе вредъ, причиненный вещи, даже случайный; мало-по-малу, однако, центръ тяжести переносился съ вещи на личность; возмѣщалось damnum iniuria datum, учитывалась степень вины делинквента и субъективной заинтересованности потерпѣвшаго въ погибшей или испорченной вещи. Первоначально за обиду и членовредительство судъ могъ назначить только строго опредѣленное вознагражденіе, установленное еще XII таблицами—за сломанную кость раба 150 ассовъ, свободнаго человѣка 300 ассовъ, за оскорбленіе чести 25 ассовъ и т. д. Впослѣдствіи путемъ преторскаго примѣненія actio iniuriarum aestimatoria охрану получили самыя деликатныя идеальныя блага. Этимъ искомъ преторскаго права оскорбленный имѣлъ возможность требовать денежной суммы въ удовлетвореніе за обиду (iniuria), подъ которой разумѣли всякое умышленное посягательство противъ личности и личныхъ правъ, вплоть до вторженія въ чужое жилище [4]), причемъ судья былъ совершенно свободенъ въ оцѣнкѣ того, насколько требуемая обиженнымъ сумма справедлива (quantum pecuniam bonum aequum videbitur). Максимумъ устанавливалъ въ обыкновенныхъ случаяхъ истецъ, а при тяжкихъ обидахъ преторъ. Если же потерпѣвшій не въ состояніи былъ прибѣгнуть ни къ услугамъ actio legis Aquilae, ни къ actio iniuriarum, то онъ могъ воспользоваться такъ называемыми actiones vindictam spirantes, особыми исками, которыми за нарушеніе чужихъ правъ возлагалась на виновнаго денежная пеня и цѣлью которыхъ, какъ объяснилъ Savigny, представлялся нравственный и публичный интересъ [1]). Указываютъ, что actiones vindictam spirantes, также какъ и actio iniuriarum, были исками съ уголовнымъ оттѣнкомъ, но въ древности строго демаркаціонная линія между гражданскимъ и уголовнымъ правомъ вообще не проводилась. Если въ данномъ случаѣ и могла быть рѣчь о «наказаніи» виновнаго, то во всякомъ случаѣ это была poena privata, а не publica: штрафъ шелъ цѣликомъ въ пользу пострадавшаго, который такимъ образомъ не оставался безъ удовлетворенія. Несомнѣнно, что въ римскомъ правѣ носилась идея возмѣщенія моральнаго вреда, хотя и въ неясныхъ очертаніяхъ. Идея эта не успѣла воплотиться въ стройныя формы, но она развивалась на всемъ протяженіи исторіи, и съ теченіемъ времени, съ ростомъ цивилизаціи, ей, быть можетъ, суждено было стать въ центрѣ ученія о вредѣ и убыткахъ... Въ римскомъ правѣ Германіи (Gemeines Recht) унаслѣдованныя начала древняго права по данному вопросу не получили надлежащаго развитія. Интерпретаторы римскаго права до послѣдняго времени оставались глухи къ общему смыслу источниковъ, крѣпко держась буквы и исповѣдуя, какъ безусловную истину, что подъ вредомъ, подлежащимъ возмѣщенію, слѣдуетъ разумѣть только вредъ экономическій, денежный вредъ. Во главу угла ставились неизмѣнно примитивныя изреченія источниковъ, вродѣ того, что «свободное человѣческое тѣло не пріемлетъ оцѣнки», какъ будто рѣчь идетъ объ объективной оцѣнкѣ для чего-то человѣческаго тѣла, а не объ оцѣнкѣ общаго вреда, связаннаго съ потерей органа человѣческаго тѣла для того или иного пострадавшаго. Германскіе ученые совершенно не считались съ тѣмъ, что приведеннее изреченіе было отголоскомъ старыхъ воззрѣній на возмѣщеніе, какъ на экономическую реституцію, а въ значительной степени, кромѣ того, могло явиться реакціей противъ господствовавшей въ старину мотеріальной таксировки органовъ человѣческаго тѣла, установленной еще XII таблицами (столько-то за выбитый глазъ, отрѣзанную руку и т. д.). Не безпокоилъ германскихъ ученыхъ и тотъ фактъ, что рядомъ съ ихъ работой надъ римскимъ текстомъ народное правосознаніе въ Германіи оказывало явное непочтеніе къ источникамъ, вырабатывая съ самыхъ раннихъ временъ такіе институты, какъ Schmerzensgeld, т. е. денежное вознагражденіе за боль, за страданія «свободнаго тѣла» [2]). Если теперь

---

[1]) D. 9. 3, de his qui effuderint vel deiecerint, 7.
[2]) Utilis competit officio judicis aestimanda, quoniam interest nostra (моральный интересъ) animum liberorum nostrorum non corrumpi. D., XI, 3, de servo corrupto, 14.
[3]) Lehman, cit. S. 7.
[4]) Puchta, Pandecten, 1872. S. 569.

[1]) Савинь и, Обязательственное право, 1876 г., стр. 557, Салькowскій, Институціи, 1911 г., стр. 403.
[2]) Schmerzensgeld упоминается еще въ Каролинѣ. Размѣръ Schmerzensgeld опредѣлялся каждый разъ судьей въ зависимости отъ степени причиненной боли. Schmerzensgeld былъ искомъ о возмѣщеніи (Ersatzklage), но безъ всякаго оттѣнка имущественнаго ущерба. Допускалось, однако, одновременное взысканіе Schmerzensgeld и убытковъ. Stobbe, Handbuch des Deutschen Privatrechts 1898, s. 527. Но

задать себѣ вопросъ, почему составители новаго германскаго уложенія не отнеслись съ должнымъ вниманіемъ къ идеѣ возмѣщенія нематеріальнаго вреда, то отвѣтъ будетъ только одинъ: этому мѣшала старая традиція римскаго права. Хотя составители BGB ввели нѣсколько статей, посвященныхъ возмѣщенію неэкономическаго вреда, но сдѣлали это какъ бы противъ воли, черезъ силу, словно пришлось принести дань какому-то модному ученію, дать мѣсто чуждому и, быть можетъ, инородному элементу въ системѣ родныхъ строго взвѣшенныхъ и испытанныхъ правовыхъ началъ. Полному изгнанію изъ кодекса «моральнаго вреда» мѣшали весьма серьезныя обстоятельства. Прежде всего необходимо было считаться съ тѣмъ, что постановленія о вознагражденіи за увѣчье и физическую боль Schmerzensgeld—сдѣлались достояніемъ сепаратныхъ законодательствъ, какъ саксонское гражданское уложеніе [1]), виртембергскій законъ 5 сентября 1839 года, баденскій законъ 6 марта 1845 г. и др. Постановленія эти пустили глубокіе корни въ народной жизни: ихъ нельзя было вырвать. Въ кодексѣ обще-имперскаго законодательства, а именно въ германскомъ уголовномъ уложеніи 1871 г. имѣлось правило, что во всѣхъ случаяхъ тѣлеснаго поврежденія, помимо налагаемыхъ на виновнаго наказаній, можетъ быть присуждено съ него въ пользу потерпѣвшаго особое вознагражденіе—Busse—до 6 тысячъ марокъ [2]). Если такія полномочія предоставляются уголовному судьѣ (назначеніе предѣльнаго размѣра Busse до 6 тысячъ марокъ давало достаточный просторъ судейскому усмотрѣнію), то почему ихъ долженъ былъ быть лишенъ гражданскій судья? Далѣе: разъ вознагражденіе выдается за физическую боль, то рождается естественный вопросъ, справедливо ли отказывать въ этомъ потерпѣвшему боль душевную или иныя муки. Почему выдѣлять страданія? Что присужденіе денежнаго вознагражденія за неденежный вредъ само по себѣ ничего предосудительнаго, антиморальнаго не заключаетъ, объ этомъ свидѣтельствовали ежедневные примѣры судебной практики другихъ странъ. Въ сосѣдней Швейцаріи обязанность возмѣщать моральный вредъ включена была въ самый законъ [3]). Фактически и германскіе суды, еще до введенія гражданскаго уложенія, не оставляли безъ удовлетворенія моральный вредъ. Это дѣлалось то подъ видомъ присужденій Schmerzensgeld, то подъ видомъ возмѣщенія имущественныхъ убытковъ, когда рѣчь шла, напр., о вредѣ, не поддающемся точному экономическому учету (обезображеніе женщины, злоупотребленіе именемъ), и практиковалось особенно часто послѣ изданія устава гражданскаго процесса, предоставившаго судьѣ право рѣшать «по свободному убѣжденію» wie hoch sich der Schaden oder ein zu ersetzendes Interesse belaufe [1]). Начало возмѣщенія моральнаго вреда просачивалось черезъ всѣ поры дѣйствующихъ нормъ гражданскаго права, и редакторамъ германскаго гражданскаго уложенія такъ или иначе пришлось считаться съ этимъ явленіемъ, чтобы не отстать совершенно отъ жизни. Въ пользу введенія института возмѣщенія моральнаго вреда раздавались въ Германіи самые авторитетные голоса. Этого требовали между прочимъ Ihering, Seitz, Kohler, Lehman. Наше время—говорили представители этого теченія, обращаясь къ составителямъ проекта—предпочитаетъ присужденіе эквивалента въ деньгахъ также за неимущественный, моральный вредъ. «Мысль о томъ, чтобы возмѣщеніе идеальнаго вреда стало предметомъ обязательственнаго требованія, разъ брошенная въ умы, будетъ работать и работать и не успокоится, пока и въ Германіи не найдетъ своего выраженія въ законѣ. Почтенные юристы, занятые составленіемъ новаго уложенія для Германіи, должны помнить, что нельзя будетъ ссздать надлежащаго правопорядка, если законъ будетъ чутко реагировать и прибѣгать на помощь своими исками, когда по небрежности разбитъ старый горшокъ, а при тягчайшихъ нарушеніяхъ идеальныхъ благъ останется холоднымъ и безчувственнымъ» [2]).

При изготовленіи перваго проекта было внесено предложеніе, чтобы вознагражденіе за нематеріальный вредъ выдавалось въ случаяхъ увѣчья, поврежденія здоровья, лишенія свободы, а также оскорбленія чести. Но послѣдняя часть предложенія оказалась отвергнутой на томъ основаніи, что возстановленія оскорбленной чести легче достигнуть не денежнымъ вознагражденіемъ, а испрошеніемъ прощенія и судебнымъ «признаніемъ» чести оскорбленнаго. Обиженному должно предоставить, неискренно заявили редакторы, einen klagbaren Anspruch auf eine Ehrenerklärung, einen Widerruf oder eine Abbitte [3]), т. е. то, что на самомъ дѣлѣ не существуетъ и не могло быть помѣщено ни въ гражданскомъ уложеніи, ни въ другомъ кодексѣ. Въ настоящее время § 847 уложенія гласитъ: «Въ случаѣ тѣлеснаго поврежденія или разстройства здоровья, а также въ случаѣ лишенія свободы потерпѣвшій можетъ потребовать справедливаго вознагражденія за вредъ, который не составляетъ

прусскому Landrecht'y Schmerzensgeld присуждалось только лицамъ низшихъ классовъ. Этого ограниченія не знали другія государства Германіи.

[1]) § 1490: когда тѣлесное поврежденіе имѣетъ послѣдствіемъ изуродованіе или увѣчье, то и по поводу сего должно послѣдовать возмѣщеніе вреда, по усмотрѣнію суда.

[2]) Strafgesetzbuch, § 231.

[3]) Ст. 54 союзнаго закона объ обязательствахъ 14 іюня 1881 г.: „Въ случаѣ тѣлеснаго поврежденія или смерти судъ вправѣ, въ виду особыхъ обстоятельствъ, а именно въ случаѣ злого умысла или грубой неосторожности, присудить потерпѣвшему или его семьѣ соотвѣтственную денежную сумму, независимо отъ возмѣщенія доказанныхъ убытковъ". Слѣдующая 55-ая статья говоритъ о правѣ суда присуждать соотвѣтственное денежное вознагражденіе „хотя бы пострадавшій и не доказалъ никакого имущественнаго ущерба", если вредъ причиненъ „другими недозволенными дѣйствіями" личной сферѣ (persönlichen Verhältnissen) потерпѣвшаго.

[1]) Zivilprozessordung für das Deutsche Reich, § 287.

[2]) Lehman, ibid, s. 44.

[3]) Protokolle der Kommission für die zweite Lesung des Entwurfes des Burgerlichen Gesetzbuchs, Bd. 2, S. 641.

имущественнаго ущерба... (Второй абзацъ статьи предоставляетъ «равное притязаніе», женщинѣ, по отношенію къ которой совершены преступленіе или проступокъ противъ нравственности или которую принудили противъ воли къ внѣбрачному совокупленію). Отвѣтственность по 847 ст. выходитъ за предѣлы стараго Schmerzensgeld'a: послѣднее составляло вознагражденіе за «боль», между тѣмъ какъ BGB опредѣляетъ вознагражденіе за имматеріальный «вредъ» вообще. Кромѣ того наряду съ тѣлесными поврежденіями и разстройствомъ здоровья поставлено лишеніе свободы (и спеціальный видъ посягательства на женскую честь). Но BGB совершенно игнорируетъ другіе случаи моральнаго вреда. Потерпѣвшій обезображеніе лица можетъ по германскому гражданскому уложенію требовать возмѣщенія моральнаго вреда, но этого не можетъ дѣлать тотъ, чья погублена репутація. Дается вознагражденіе за «нравственныя страданія» лишенному свободы, но никакого удовлетворенія, кромѣ возмѣщенія имущественныхъ убытковъ, не получаетъ тотъ, котораго лишили (неправомѣрно) близкаго человѣка. Дабы ни у кого не могло возникнуть сомнѣнія на счетъ того, что указанные въ ст. 847 случаи являются единственными и исключительными, въ германское гражданское уложеніе была введена статья (253), установившая, какъ общее правило, что за вредъ, не представляющій имущественнаго ущерба, можетъ быть потребовано вознагражденіе въ деньгахъ только въ случаяхъ, закономъ особо предусмотрѣнныхъ» [1]). Можно было бы объяснить тенденцію германскаго уложенія сузить отвѣтственность за нематеріальный вредъ какой-либо особой осторожностью составителей, опасеніемъ передъ расширеніемъ полномочій суда и пр., если бы въ данномъ случаѣ не била въ глаза другая причина, дѣйствовавшая болѣе механически. Причина эта и заключается въ раболѣпіи германскихъ романистовъ передъ старой традиціей, крѣпко усвоенной обще-германскимъ правомъ, какъ завѣтъ римскаго права, о невозмѣстимости неимущественнаго вреда. Этого не слѣдуетъ забывать при обсужденіи правилъ о моральномъ вредѣ не только въ германскомъ гражданскомъ уложеніи, но и въ другихъ законодательныхъ трудахъ, шествующихъ въ данномъ вопросѣ за германскимъ BGB [2]).

---

[1]) Эти случаи суть тѣ, которые перечислены въ 847 ст. „Неимущественный интересъ“ можетъ быть кромѣ того принятъ во вниманіе судомъ при ходатайствахъ о пониженіи договорной неустойки (ст. 343). Неудовлетворительность и недостаточность постановленій BGB о нематеріальномъ вредѣ признаются почти всѣми комментаторами. Kohler (Bürgerliches Recht in Holtzendorff's Encyklopädie der Rechtswissenschaft, Bd. 1, S. 652) усматриваетъ „большой недостатокъ“ кодекса въ принципіальномъ недовѣріи къ институту возмѣщенія нравственнаго вреда (Ersatz für seelischen Schaden“). Crome (System des Deutschen Bürgerlichen Rechts. 2 Bd,, 1902, S. 21) находитъ взглядъ о несоизмѣримости идеальныхъ благъ и денегъ ошибочнымъ и опровергнутымъ въ самомъ уложеніи.

[2]) Таковъ выработанный въ Россіи проектъ гражданскаго уложенія, въ которомъ денежная сумма за „нравственный вредъ“ отъ неправомѣрныхъ дѣяній опредѣляется приблизительно въ тѣхъ же случаяхъ, что и въ BGB (со включеніемъ случаевъ нанесенія оскорбленія. Объ этомъ особо—ниже). Разбирая проектъ германскаго уложенія, проф. Gierke обрушился на составителей цѣлымъ градомъ упрековъ за то, что они исключили обязанность вознаграждать за моральный вредъ при нарушеніи договоровъ. „Если кто-либо броситъ въ огонь данные мной ему на сохраненіе не имѣющіе сами по себѣ цѣны семейныя картины или ящики съ рукописями и реликвіями, доставшимися мнѣ отъ родителей, то я не имѣю иска о вредѣ—указывалъ Gierke.—Мотивы уложенія утѣшаютъ, что можно для обезпеченія неимущественнаго интереса установить въ данномъ случаѣ неустойку. Но это только новый аргументъ, что BGB разсчитанъ на тертыхъ людей, опытныхъ въ дѣловомъ оборотѣ“. (Gierke, der Entwurf eines Bürgerlichen Gesetzbuches tür das Deutsche Reich, 1889, S. 198). Русскій проектъ, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Gierke, на котораго сдѣланы кое-гдѣ ссылки въ мотивахъ, санкціонировалъ вознагражденіе за нравственный вредъ, причиненный неисполненіемъ взятаго на себя обязательства (ст. 117 изд. 1905 г.). Такимъ образомъ за картины, отданныя на сохраненіе и сгорѣвшія по винѣ хранителя, можно по русскому проекту взыскивать особое возмѣщеніе нравственнаго вреда, такъ какъ дѣяніе хранителя подходитъ подъ понятіе нарушенія договора. Но если бы эти предметы сожгло лицо, съ которымъ владѣлецъ въ договорныхъ отношеніяхъ не состоитъ, то вознагражденіе съ него присудить нельзя было бы, какъ не присуждается такое вознагражденіе и по BGB. Такая постановка вопроса о моральномъ вредѣ въ русскомъ проектѣ, хотя и раздвинувшемъ рамки по сравненію съ BGB, но все еще не рѣшившемся сойти окончательно съ казуистической точки зрѣнія, объясняется невольнымъ тяготѣніемъ къ правиламъ BGB, имѣющимъ чисто переходный характеръ, недостаткомъ твердой принципіальной точки зрѣнія какъ въ самомъ германскомъ гражданскомъ уложеніи, такъ и въ кодексахъ, къ нему примыкающихъ въ данномъ предметѣ.

Отъ подчиненія римскому праву легче, чѣмъ Германія, освободились романскія страны. Романскій судья, живой, энергичный и отзывчивый, чуждающійся въ примѣненіи правовыхъ нормъ мертвой формалистики, доступный голосу жизни и окружающей обстановки, способствовалъ широкому проведенію въ жизнь идеи вознагражденія и возмѣщенія серьезнаго нравственнаго вреда. Не находя въ римскомъ правѣ достаточно сильнаго подкрѣпленія тому положенію, что всякій вредъ, причиненный невиннному, не долженъ оставаться безъ воздѣйствія и удовлетворенія, даваемаго не только въ пользу государства, какъ абстрактной величины, но и непосредственно въ пользу потерпѣвшаго, романскій судья порвалъ въ этомъ отношеніи связь съ классическимъ правомъ и пошелъ по самостоятельному пути. Еще задолго до великой революціи во Франціи встрѣчаются судебныя рѣшенія, опредѣляющія потерпѣвшему денежное вознагражденіе за préjudice moral. Революція съ ея ученіемъ о достоинствѣ личности, объ уваженіи къ чужой индивидуальности могла только способствовать укрѣпленію въ сознаніи народа мысли о необходимости удовлетворенія, — какъ публичнаго, такъ и частнаго—за вторженіе въ сферу личныхъ правъ потерпѣвшаго. Хотя въ Code civil, явившійся однимъ изъ послѣдствій революціи, не попало прямое постановленіе о моральномъ вредѣ, но статья Code'a по которой всякое дѣяніе, причиняющее другому вредъ,

обязываетъ того, по чьей винѣ вредъ произошелъ, къ удовлетворенію» [1]), была истолкована судами въ смыслѣ возмѣщенія вреда экономическаго и неэкономическаго. Если бы французскій судья задался вопросомъ, почему подъ понятіемъ «вредъ» слѣдуетъ разумѣть только вредъ имущественный, онъ ни въ своей совѣсти, ни въ народномъ правосознаніи не нашелъ бы на это удовлетворительнаго отвѣта. Только традиція, усвоенная и поддержанная исторической школой права, подсказала бы ему, что такъ предписываетъ верховный авторитетъ классической юриспруденціи, такъ будто бы велѣло римское право. Слишкомъ слабъ былъ, однако, старый авторитетъ въ сравненіи съ развернувшимися передъ глазами судьи условіями новой жизни, новыми проблемами и новыми понятіями о правѣ и человѣческомъ благѣ. Французскіе суды такъ широко понимаютъ защиту личныхъ благъ, что даже мужъ, оскорбленный невѣрностью жены, можетъ претендовать на полученіе вознагражденія съ соблазнителя, хотя на практикѣ такого рода претензіи вызываютъ весьма нерѣдко сомнѣніе въ искренности и серьезности вреда. Мужъ имѣетъ искъ и противъ лица, признаннаго виновнымъ въ поддерживаніи съ женой компрометирующихъ отношеній, въ особенности, если будетъ доказано, что такое поведеніе причинило нравственный вредъ не только мужу, но и всей семьѣ [2]). Обычные случаи возмѣщенія нравственнаго вреда—это оскорбленіе и клевета, въ устной формѣ, на письмѣ и въ печати, умаленіе женской чести, неправомѣрное пользованіе чужимъ именемъ и псевдонимомъ, литературнымъ и театральнымъ, злоупотребленіе чужой фамиліей при выборахъ, незаконное лишеніе свободы и даже избирательныхъ правъ, вторженіе въ чужое жилище, нападеніе, причиненіе вреда здоровью и т. д. и т. д. За смерть родныхъ могутъ искать возмѣщенія моральнаго вреда родители, дѣти, братья и сестры. Нѣтъ надобности, чтобы они были наслѣдниками въ имуществѣ: достаточно доказать наличность дѣйствительнаго вреда, d'un préjudice moral actuel et certain [3]). Нравственный вредъ служитъ часто основаніемъ къ выступленію потерпѣвшихъ въ качествѣ гражданскихъ истцовъ въ уголовныхъ дѣлахъ. Были случаи, когда гражданскими истцами судъ допускалъ лицъ, на которыхъ ранѣе падало подозрѣніе въ томъ преступленіи, въ которомъ обвиняется подсудимый, причемъ судъ исходилъ изъ того, что своими стараніями перенести преступное дѣяніе на истца подсудимый причинилъ ему моральный вредъ [4]). Еще болѣе, чѣмъ во Франціи, принципъ возмѣщенія моральнаго вреда усвоенъ въ близкой ей по правовымъ воззрѣніямъ Италіи. При частныхъ личныхъ столкновеніяхъ итальянцевъ между собою дуэль въ народной средѣ бываетъ иногда средствомъ, предотвращающимъ простое убійство и другія преступленія. Между тѣмъ присужденіе обидчика къ возмѣщенію моральнаго вреда часто предупреждаетъ въ Италіи не только преступленія на почвѣ раздраженія, но и самую дуэль. Въ Италіи мы находимъ горячихъ сторонниковъ вознагражденія за моральный вредъ, хотя здѣсь же выступаютъ и наиболѣе даровитые противники этого института, какъ проф. Gabba и др. Вотъ нѣсколько примѣровъ вознагражденія моральнаго вреда изъ итальянской практики послѣдняго времени. Неаполитанскій кассаціонный судъ (рѣш. 13 іюля 1896 г.) призналъ законнымъ возмѣщеніе моральнаго вреда, причиненнаго семьѣ лишеніемъ ея руководительства отца семейства (il nocumento che in una famiglia arreca la mancanza della direzione del padre! Генуэзскій судъ 10 мая 1898 г. присудилъ 1400 лиръ пассажиру, который въ сорвавшемся вагонѣ электрическаго трамвая подвергся «опасному путешествію». Учителю, несправедливо отказанному отъ мѣста и оклеветанному, было присуждено 15.000 лиръ per danni morali. 8 мая 1909 г. флорентійскій апелляціонный судъ присудилъ денежное вознагражденіе мужу съ лица, находившагося съ его покойной женой въ незаконной связи, обнаруженной при чтеніи мужемъ оставшейся послѣ покойной ея переписки. «Въ Италіи—говорится въ этомъ послѣднемъ рѣшеніи—юриспруденція постоянно высказывается за возмѣщеніе моральнаго вреда, и ежедневный опытъ представляетъ намъ случаи денежнаго вознагражденія при диффамаціи, развращеніи малолѣтнихъ, прелюбодѣяніи... Дѣяніе, затрагивающее чужую честь, не только ухудшаетъ положеніе обиженнаго, не только способствуетъ этимъ путемъ прямому уменьшенію его экономическаго благосостоянія, но и оскорбляетъ притязаніе, которое вправѣ имѣть каждый гражданинъ на сохраненіе для себя тѣхъ удовольствій высшаго порядка, которыя дѣлаютъ жизнь пріятной и счастливой, каковы покой, безмятежность души, домашній и семейный миръ [1])». При присужденіи вознагражденія за нравственный вредъ итальянскіе суды не ставятъ во главу угла изслѣдованіе внутреннихъ мотивовъ, побуждающихъ истца требовать оцѣнки на деньги своей чести. «Не можетъ и не долженъ судья перестраивать психологію тяжущихся,—поучаетъ приведенное рѣшеніе флорентійскаго апелляціоннаго суда,—онъ долженъ считаться только съ важнымъ интересомъ, и гдѣ таковой есть, признавать право». Кассаціонный судъ въ Палермо признаетъ за женщиной, хотя и взрослой, соблазненной мужчиной, путемъ обѣщанія жениться или безъ такого обѣщанія, право на искъ о возмѣщеніи вреда, несмотря на ненаказуемость такого дѣянія по уголовному закону, такъ какъ подобная женщина не только терпитъ матеріальный уронъ, но «теряетъ

---

[1]) Code civil § 1382: Tout fait quelconque de l'homme qui cause à autrui un dommage oblige celui par la faute duquel il est arrivé à le réparer.

[2]) Sirey, Les Codes annotés, Code Civil, v. 2, 1901, p. 607.

[3]) Sirey, ibid, p. 645. О взысканіяхъ за увѣчья и другіе несчастные случаи на желѣзныхъ дорогахъ—см. Planiol, Traité élémentaire de droit civil, 1907, t. 2, p. 280.

[4]) Laurent, Principes de droit civil, vol. XX, p. 418.

[1]) Le foro Italiano, 1909 г. 1208. При тѣхъ же приблизительно условіяхъ другому потерпѣвшему было присуждено 10 000 лиръ, ex aequo et bono, какъ выражается рѣшеніе—per danni tutti materiali, ed morali (corte di cassazione di Torino, Udienza 22 gennaio 1909, Foro Ital., 1909 г. p. 724).

честь и будущность» (рѣш. 1-го апрѣля 1909 года). Не взирая на сильное противодѣйствіе, нерѣдко оказываемое распространенію ученія о моральномъ вредѣ частью юридической литературы и невольно находящее отраженіе въ нѣкоторыхъ судебныхъ рѣшеніяхъ, въ общемъ институтъ обрѣтаетъ здѣсь для себя благопріятную почву. Разумное, внимательное и даже, можно сказать, любовное отношеніе къ нему со стороны большинства итальянскихъ судовъ обезпечиваетъ ему полезную роль и цѣлесообразное развитіе [1]).

С. Бѣляцкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Новое авторское право.

(Окончаніе) [2]).

Содержаніе авторскаго права на музыкальныя произведенія (ст. 42) изложено подробно и понято очень широко. Законъ предоставляетъ композитору и право на переложеніе произведенія, «на всякаго рода механическія ноты (диски, пластинки, цилиндры и т. п.), предназначенныя для исполненія произведенія посредствомъ граммофоновъ, фонографовъ, піанолъ и тому подобныхъ инструментовъ».

Вопросъ о правѣ композитора на переложеніе его произведенія для механическихъ инструментовъ имѣетъ интересную исторію [3]). При обсужденіи проекта бернской конвенціи (1886 г.) представители Франціи и Швейцаріи требовали освобожденія этихъ инструментовъ отъ авторскаго права композиторовъ, и другимъ государствамъ пришлось согласиться въ интересахъ достиженія цѣли конвенціи. Такъ возникла ст. 3 заключительнаго протокола этой конвенціи. Мотивировалось это трѣбованіе интересами промышленности, выдѣлывающей эти инструменты, которая будто бы не можетъ существовать, если подчинить ее авторскому праву композиторовъ. Однако въ Германіи, Бельгіи и др. странахъ вскорѣ замѣтили, что такое предпочтеніе промышленности интересамъ композиторовъ крайне несправедливо по отношенію къ послѣднимъ. Въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ изобрѣтены были механическіе инструменты съ подвижными, вымѣняемыми пластинками (аристоны, герофоны, автоматическіе піанино и т. д.), указанная ст. 3 бернской конвенціи получила совсѣмъ иное значеніе. Теперь уже стало возможнымъ съ каждымъ инструментомъ исполнять безчисленное множество произведеній не такъ какъ прежде, когда всякій механическій инструментъ приспособленъ былъ лишь для опредѣленнаго, небольшого числа композицій. То, что прежде не могло причинить композиторамъ чувствительнаго вреда, стало теперь, съ массовымъ производствомъ, грозной бѣдой. Композиторамъ угрожала крупная опасность—они не только терпѣли огромную матеріальную потерю отъ распространенія ихъ произведеній безъ всякаго вознагражденія въ милліонахъ экземпляровъ, переложенныхъ на диски, но и видѣли, какъ гибнетъ подъ вліяніемъ безчисленныхъ механическихъ передачъ художественный интересъ къ ихъ произведеніямъ. Достаточно для примѣра указать на интермеццо изъ «Сельской чести», которое эти инструменты въ теченіе 2 лѣтъ такъ «заиграли», что интересъ къ дѣйствительно музыкальному исполненію его почти исчезъ. Массовое производство оказалось гибельно для искусства. Суды поняли это (не повсюду—во Франціи и въ Англіи они продолжали считать всякіе механическіе инструменты свободными отъ разрѣшенія композитора) и толковали указанную статью конвенціи ограничительно: свободными отъ авторскаго права признавались теперь лишь инструменты съ приспособленными спеціально для каждаго изъ нихъ валиками (шарманки, оркестріоны и т. п.), на механическіе же инструменты съ вымѣняемыми пластинкати (auswechselbare Scheiben, plaques échangeables) распространялось авторское право композитора. Понятно, что еще болѣе усовершенствованные инструменты—фонографы, граммофоны, театрофоны, піанолы, неолы, фонолы, миньонъ и проч.—передающіе исполняемыя произведенія съ индивидуальными оттѣнками, тѣмъ болѣе считались подлежащими авторскому праву. Правда, германскій законъ 1901 г. § 22 впять расширилъ кругъ механическихъ инструментовъ, свободныхъ отъ авторскаго права, но подоспѣвшій въ 1908 г. пересмотръ бернской конвенціи уже сталъ на прямо противоположную точку зрѣнія: по ст. 13 автору принадлежитъ исключительное право переложенія музыкальныхъ произведеній на всякіе механическіе инструменты (соотвѣтственнымъ образомъ измѣненъ въ 1910 г. и упомянутый § 22 герм. зак.). Къ этому развитію примкнулъ и нашъ законъ. Но редакція его и тутъ неточна—что понимать подъ словами: и тому подобныхъ инстру-

---

[1]) Современная доктрина возмѣщенія моральнаго вреда ведетъ начало во Франціи отъ Pothier, въ Италіи отъ Gioia. Pothier (Traité des obligations, v. II, p. 108) опредѣляетъ деликтъ и квази-деликтъ какъ дѣянія, которыя при наличности извѣстныхъ условій причиняютъ вредъ (въ самомъ широкомъ смыслѣ) другому—quelque tort à un autre. Взглядъ Pothier на вредъ и возмѣщеніе ближе подходитъ къ ученію англійскихъ юристовъ, чѣмъ къ римскому праву. Toullier (Le droit civil français, v. I, 1832, § 121) наряду съ нарушеніемъ имущественныхъ правъ ставитъ посягательства на личность и личныя права, причемъ указываетъ, что противъ всѣхъ посягательствъ установлена защита гражданская (réparation) и уголовная. Zachariae упоминаетъ о вознагражденіи за tort moral. Melchiore, Gioia съ блестящимъ краснорѣчіемъ, имѣвшимъ сильное вліяніе на умы, доказывалъ необходимость денежнаго вознагражденія, по правиламъ справедливости, за угрозы лишить жизни, за страданія, причиненныя тяжкимъ оскорбленіемъ, за обольщеніе, незаконные аресты и пр. Ученіе Gioia (не-юриста) изложено у Consolo, Trattato sul risarcimento del danno 1908, p. 222 e seg. Дальнѣйшее развитіе доктрины—Laurent, XX, § 395, Huc, Commentaire théorique et pratique du Code civil, 1895, p. 547, Sourdat, v. I, p. 29 и слѣд., Minozzi, Studio sul danno non patrimoniale, 1908, Cesareo Consolo, cit. del danno morale, p. 220—286.

[2]) См. № 26 „Права“.

[3]) Ср. Kohler, Urheberrecht, стр. 205 сл., Daude, Reichsgesetze über das Urheberrecht etc. (1910), стр. 221 сл.

ментовъ? 1) Только ли инструменты, передающіе подобно граммофону, піанолѣ и т. д. индивидуальное исполненіе произведенія, или 2) также всѣ механическіе инструменты съ подвижными пластинками, или 3) наконецъ, всѣ безъ исключенія механическіе инструменты (слѣдовательно, и тѣ, которые снабжены неподвижными валиками, какъ шарманки и т. п.)? Ближе всего къ смыслу ст. 42 (ср. и прим. къ ст. 24) будетъ второе толкованіе, такъ какъ законъ подчеркиваетъ самостоятельное значеніе механическихъ нотъ (диски, пластинки и проч.). Шарманки и подобные инструменты могутъ, слѣдовательно, и дальше исполнять всѣ произведенія и безъ разрѣшенія композиторовъ. Всѣ же остальные механическіе инструменты должны отнынѣ заручиться согласіемъ автора. Такое рѣшеніе вопроса въ достаточной степени охраняетъ интересы композиторовъ, оставляя въ то же время извѣстный просторъ промышленности механическихъ инструментовъ, и даетъ, наконецъ, возможность легкаго распространенія наиболѣе народныхъ механическихъ инструментовъ въ населеніи.

Возникло, однако, опасеніе, что согласіемъ авторовъ заручатся всегда крупныя фирмы, изготовляющія механическіе инструменты, и получатъ, такимъ образомъ, монополію, такъ что болѣе слабымъ фирмамъ могла бы грозить полная гибель. Для предупрежденія этого германскій законъ § 22 (въ редакціи 1910 г.) вводитъ такъ называемый Zwangslicenz: разъ композиторъ разрѣшилъ кому-нибудь переложить его произведеніе на механическіе инструменты для продажи, то онъ уже обязанъ дать такое же разрѣшеніе всякому другому за извѣстное вознагражденіе. Это то и выражаетъ ч. 2 ст. 42 нашего закона. При этомъ, однако, нашъ законъ исказилъ смыслъ идеи Zwangslicenz, допустивъ ее и въ случаѣ, если композиторъ лично воспользовался правомъ переложенія своего произведенія на механическія ноты. На самомъ дѣлѣ, въ такомъ случаѣ нѣтъ основанія ограничивать его право разрѣшеніемъ всякому 3-ьему лицу требовать такого же права переложенія—опасности монополіи крупнаго промышленника нѣтъ, ratio legis отпадаетъ. Нашъ законъ тутъ не достаточно оберегъ интересы композиторовъ.

Подъ уступкой права такого же переложенія слѣдуетъ понимать переложеніе на механическій инструментъ, но не обязательно на такой же, на какой дано первоначальное разрѣшеніе.

Законъ этотъ примѣняется и тогда, если композиторъ уступилъ кому-нибудь исключительное право такого переложенія.

Совершенно безъ вниманія оставила наша ст. 42, ч. 2, случай, предусмотрѣнный въ германскомъ § 22 ч. 2: какъ быть, если данное произведеніе вокальное—содержитъ текстъ (защищенный авторскимъ правомъ) съ музыкой? Германское право даетъ Zwangslicenz и въ такомъ случаѣ, если авторъ текста разрѣшилъ кому-нибудь переложеніе его на механическіе инструменты, но на мѣсто автора уполномоченнымъ (и обязаннымъ) давать и дальнѣйшія разрѣшенія является уже композиторъ, который только долженъ уступить автору текста соотвѣтствующую часть вознагражденія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что и по нашему праву (какъ по германскому закону § 22 a) разрѣшенные авторомъ диски, пластинки и проч. даютъ также право публичнаго исполненія.

Ст. 48 составляетъ крупный пассивъ новаго закона, заключая въ себѣ значительное, ничѣмъ не оправдываемое ограниченіе правъ композитора. Право на публичное исполненіе, составляющее столь цѣнный элементъ авторскаго права, предоставлено (ст. 47) безъ всякихъ ограниченій лишь авторамъ драматическихъ и музыкально-драматическихъ произведеній (оперъ, оперетокъ, балетовъ, ораторій [1]) и т. д. [2]). Композитору же чисто-концертному это право остается (ст. 48) «лишь въ томъ случаѣ, если имъ на каждомъ экземплярѣ музыкальнаго произведенія указано, что композиторъ оставилъ за собою это право». Этимъ неудачнымъ постановленіемъ русское право отброшено назадъ на точку зрѣнія старыхъ (напр., австрійскаго § 34) авторскихъ законовъ—точку зрѣнія, давно уже покинутую новымъ праворазвитіемъ (въ томъ числѣ и германскимъ закономъ 1901 г., бывшимъ прототипомъ нашего закона [3]). Непонятно, почему композиторъ долженъ быть ограниченъ въ использованіи своего искусства, между тѣмъ какъ драматическій авторъ или музыкально-драматическій композиторъ находятся въ лучшемъ положеніи. Наивно объясненіе мотивовъ, что постановленіе ст. 48 имѣетъ въ виду, согласно указанію проекта главной дирекціи императорскаго русскаго музыкальнаго общества, устранить излишнія затрудненія, весьма часто связанныя съ полученіемъ отъ композитора согласія на исполненіе его музыкальнаго произведенія. Оно показываетъ лишь, что императорское музыкальное общество очень мало заботится объ интересахъ русскихъ композиторовъ и ставитъ интересы музыкантовъ, воспроизводящихъ чужія творенія, выше интересовъ самихъ творцовъ. Во-первыхъ, «затрудненія» при исполненіи чисто-музыкальныхъ композицій не больше затрудненій при исполненіи музыкально-драматическихъ произведеній, а, во-вторыхъ, «затруденія» эти не исчезаютъ, если на каждомъ экземплярѣ будетъ находиться соотвѣтствующая оговорка [4]). На самомъ

---

1) У г. Канторовича, „Авторское право“, стр. 211 совершенно неправильно исключены оратоpіи изъ числа музыкально-драматическихъ произведеній. Ср. Kohler, Urheberrecht, стр. 200, 201.

2) Причемъ авторамъ здѣсь должно принадлежать и исключительное право на исполненіе части драматическаго или музыкально-драматическаго, произведенія (отдѣльнаго акта, сцены, монолога, увертюры, ансамблей, арій)—по общему принципу авторскаго права, по которому право на произведеніе распространяется и на части его (ср. § 3 австрійскаго зак.). О германскомъ правѣ по данному вопросу Dernburg, Bürg. Recht, т. VI, стр. 70, 71

3) Во Франціи уже зак. 1791 г. (!) не зналъ, „оговорки“.

4) За публичнымъ исполненіемъ всѣхъ вообще музыкальныхъ произведеній слѣдятъ уже издавна общества композиторовъ и издателей во Франціи (Societé des auteurs, compositeurs et éditeurs de musique) и въ Австріи (Gesellschaft der Komponis-

дѣлѣ, неудачное и несправедливое постановленіе ст. 48 поведетъ лишь къ тому, что такъ какъ не всѣ композиторы воспользуются этой оговоркой, то тѣ изъ нихъ, которые къ ней не прибѣгнутъ и которыхъ произведенія, слѣдовательно, будутъ доступны свободному исполненію, и будутъ больше исполняться въ концертахъ, чѣмъ тѣ, которые воспользуются «привилегіей» ст. 48. Первые, хотя и лишатся доходовъ отъ исполненія, но пріобрѣтутъ, по крайней мѣрѣ, извѣстность, вторые—ничего не получатъ, ни денегъ, ни популярности [1]). Ст. 48 тѣмъ болѣе печальна для композиторовъ, что ихъ право на публичное исполненіе еще болѣе урѣзано ст. 50. Въ особенности п. 1 послѣдней статьи (исполненіе допускается безъ согласія композитора: 1)» если исполненіе ни непосредственно, ни косвенно не преслѣдуетъ цѣлей наживы») даетъ возможность свободнаго исполненія музыкальныхъ произведеній въ церквахъ при богослуженіи, чѣмъ нанесенъ будетъ существенный ударъ развитію церковной музыки [2]).

Нечего и говорить, что въ одномъ случаѣ ст. 48 и 50 не могутъ быть примѣнены и композиторъ обладаетъ исключительнымъ правомъ на публичное исполненіе—пока онъ не выпустилъ въ свѣтъ своего произведенія. Исполненіе безъ согласія композитора по не выпущенной еще въ свѣтъ рукописи было бы во всякомъ случаѣ нарушеніемъ авторскаго права (ср. п. 3 ст. 4, ст. 27). [3]).

Ст. 51 въ связи съ ст. 55 даетъ художникамъ то право, котораго они уже давно добиваются и которое до самаго послѣдняго времени они даже на Западѣ не повсюду имѣли: отчужденіе художественнаго произведенія не переноситъ на пріобрѣтателя права повторенія, размноженія или изданія произведенія. Во Франціи вопросъ этотъ былъ очень споренъ, и художники сплошь и рядомъ лишались большихъ доходовъ, такъ какъ суды предоставляли это цѣнное право пріобрѣтателямъ художественныхъ произведеній, чѣмъ пользовались торговцы картинами, покупая картину (или иное художественное произведеніе) за сравнительно невысокую цѣну и зарабатывая потомъ на механическомъ размноженіи ея (олеографіи, литографіи и проч.) громадныя деньги. И только новый законъ 9 апрѣля 1910 г. постановилъ, что отчужденіемъ художественнаго произведенія еще не переходитъ на пріобрѣтателя право репродукціи [1]). Нашъ законъ, слѣдовательно, тутъ находится «на высотѣ времени» [2]). Но онъ и тутъ не совсѣмъ на ней удержался.

Уже слѣдующая ст. 56—промахъ. Вопреки господствующему мнѣнію въ литературѣ авторскаго права и въ законодательствахъ, ст. эта (какъ и нашъ старый законъ: ст. 39 прил. къ ст. 420) не признаетъ нарушеніемъ авторскаго права на художественныя произведенія: «1) изображеніе произведеній живописи средствами ваянія и, наоборотъ, произведеній ваянія средствами живописи». Совершенно непонятно, почему всякій, даже самый посредственный живописецъ защищенъ отъ непрошенныхъ повтореній и размноженій, между тѣмъ какъ Родэнъ или Клингеръ должны терпѣть, чтобы произведенія ихъ генія распространялись въ плохихъ репродукціяхъ, если послѣднія только сдѣланы на плоскости. Переводъ художественнаго произведенія изъ области живописи въ область ваянія или (что практически, конечно, большее значеніе имѣетъ) наоборотъ аналогиченъ переложенію музыкальнаго произведенія на другіе инструменты (ст. 42) или драматизаціи повѣствовательнаго произведенія (ст. 31). Если эти переложенія и драматизаціи составляютъ содержаніе авторскаго права, то и первый долженъ быть сюда причисленъ. Составителями нашего закона и тутъ руководило представленіе, что художника, изображающаго скульптурное произведеніе въ живописи, какъ и скульптора, изображающаго картину пластично, необходимо охранить, какъ производящихъ самостоятельный художественный трудъ. Но то, что сущность искусства, художественная идея, здѣсь просто заимствована у другого и что эта идея существуетъ независимо отъ формы и пространства,—это упустили изъ виду.

Несправедливое ограниченіе авторскаго права на художественныя произведенія заключаетъ въ себѣ и п. 4 ст. 56, по которой «помѣщеніе отдѣльныхъ частей художественнаго произведенія въ издѣліяхъ заводской, фабричной и ремеслесленной промышленности» не признается нарушеніемъ авторскаго права. Этой точки зрѣнія придерживался прусскій законъ—1837 г. Теперь уже давно отъ этого отказались. У насъ же въ 1911 г. считаютъ нужнымъ вернуться къ давно покинутому взгляду. Этимъ поста-

---

ten u. Musikverleger). По ихъ образцу учреждено было такое общество и въ Германіи.

[4]) Любопытно, что мотивы къ австрійскому закону даже утверждаютъ, что тамъ, гдѣ „оговорка“ установлена закономъ, ею почти никогда не пользуются для большинства композицій. Она встрѣчается лишь при большихъ оркестровыхъ или хоровыхъ произведеніяхъ (Wretschko, Das Gesetz v. 1895 betr. d. Urheberrecht стр. 65). Въ пользу отмѣны „оговорки“ на музыкальныхъ произведеніяхъ высказался и парижскій конгрессъ 1896 г. Въ новой редакціи бернской конвенціи отъ 13 ноября 1908 г. ст. 11, ч. 3, уже въ положительной формѣ отказывается отъ требованія „оговорки“.

[2]) Ограниченіе, содержащееся въ ст. 50, имѣется однако и въ германскомъ зак., но и тамъ вызвало серьезную критику, ср. Kohler, Urheberrecht, стр. 201 сл. Франціи и Италіи оно неизвѣстно.

[3]) Лучше было бы. если бы нашъ законъ во избѣжаніе недоразумѣнія оговорилъ въ ст.ст. 48 и 50, что онѣ касаются лишь появившихся въ свѣтъ произведеній (такъ герм. зак. § 27, австрійскій § 34).

[1]) Объ этомъ зак. см. Annales de droit commerc. 1911 № 1 стр. 59 сл. Въ Австріи уже зак. 1895 г. (§ 18) содержитъ аналогичное постановленіе, германзак. 1907 г. § 10. О другихъ правахъ см. Kohler, Kunstwerkrecht (1908), стр. 86 прим. 20.

[2]) Конечно, „собственникъ художественнаго произведенія не обязанъ допускать художника къ пользованію этимъ произведеніемъ для повторенія, размноженія или изданія его“ (ст. 53)—это само собою разумѣется, вытекая изъ права собственности. Если однако, художнику удастся помимо или противъ воли собственника овладѣть своимъ произведеніемъ для повторенія и проч., то результатъ этого (копія и проч.) будетъ на основаніи ст. 51 вполнѣ правомѣренъ, и художникъ будетъ только отвѣтственъ за нарушеніе владѣнія или собственности.

новленіемъ можетъ быть причиненъ крупный вредъ художественнымъ интересамъ авторовъ. Воспроизведеніе и массовое распространеніе въ издѣліяхъ промышленности хотя бы только и части художественнаго произведнія съ упоминаніемъ имени художника можетъ быть столь тягостно послѣднему, можетъ представить его художественное произведеніе въ такомъ непривлекательномъ, искаженномъ видѣ и причинить ему этимъ такой моральный (но и имущественный) вредъ, что должны были бы быть очень вѣскія причины для подобнаго ограниченія авторскаго права [1]). Такихъ причинъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ—указаніе на интересы развитія прикладного искусства неправильны. Современное прикладное искусство тамъ, гдѣ оно достигло теперь высшаго развитія (въ Лондонѣ, Вѣнѣ, Мюнхенѣ), развилось независимо отъ чистаго искусства, да и содѣйствовать его развитію такимъ путемъ, что ему разрѣшено будетъ безнаказанно присвоивать себѣ идеи художниковъ, врядъ ли удастся: форма, въ которую эти идеи выльются при перенесеніи ихъ на предметъ промышленности, все же можетъ быть столь неудачной, что о развитіи прикладного искусства рѣчи не будетъ. Гораздо лучше защитилъ бы нашъ законъ интересы прикладного искусства, если бы онъ (по образцу французскаго закона 11 марта 1902 г. или германскаго 1907 г. § 2) распространилъ защиту авторскаго права и на объекты прикладного искусства (Kunstgewerbe) [2]). Теперь же приходится послѣднимъ отказать въ защитѣ авторскаго права, что и несправедливо, и нецѣлесообразно, и къ тому же создаетъ еще одно лишнее затрудненіе: отграниченіе чисто художественныхъ произведеній отъ художественно-промышленныхъ не легко.

Ст. 52 во второй части касается какъ будто и права на собственное изображеніе (propriéte exclusive des traits du visage), такъ какъ предоставляетъ право повторять, выставлять и издавать портреты и бюсты исключительно самимъ изображеннымъ лицамъ (или ихъ наслѣдникамъ). Но такъ какъ 2 ч. этой статьи лишь исключеніе изъ первой части, а первая часть говоритъ только о заказанныхъ произведеніяхъ, то, очевидно, это право предоставлено изображенному лишь въ случаѣ заказа (имъ или кѣмъ-либо другимъ) портрета или бюста; такимъ образомъ, значеніе всего постановленія значительно суживается. Еще у́же право на заказанный фотографическій портретъ (ст. 59 ч. 2). Во-первыхъ, оно принадлежитъ не самому изображенному, а только заказчику (что не всегда одно и то же), во-вторыхъ, какъ будто только ему, а не его наслѣдникамъ, въ-третьихъ, неясно, предоставлено ли и ему право выставлять портретъ, или послѣднее остается за фотографомъ. Однако, такъ какъ по ст. 6 авторское право послѣ смерти автора переходитъ къ его наслѣдникамъ, статья же 59 предоставляетъ заказчику авторское право на портретъ, то слѣдовательно, по смерти этого лица право на портретъ переходитъ къ его наслѣдникамъ. Это само собою разумѣется, и особое упоминаніе о наслѣдникахъ дѣйствительно было бы совершенно излишне [1]). Что же касается права выставлять портретъ, то хотя авторское право по ст. 2 заключаетъ въ себѣ права опубликовывать произведенія, выставка же портрета равна публикаціи его, тѣмъ не менѣе въ виду прямого постановленія п. 2 ст. 62 право выставлять портретъ на публичной выставкѣ не принадлежитъ заказчику. Получается, слѣдовательно (весьма существенная!) разница между ст. 52 и 59: въ первой субъектъ права—само избирательное лицо, во второй—заказчикъ, тамъ всякая выставка портрета—исключительное право изображеннаго, здѣсь помѣщеніе портрета, по крайней мѣрѣ на публичной выставкѣ, свободно.

Глава 7 (ст. 66—75) объ «издательскомъ договорѣ» является лишь сокращеннымъ [2]) переводомъ германскаго закона объ издательскомъ правѣ (Gesetz über das Verlagsrecht) 1901 г. съ нѣкоторыми измѣненіями. Желательно было бы изучить и опубликовать обычаи русскаго издательскаго дѣла, дабы на ихъ основаніи можно было пополнять пробѣлы закона. Въ нынѣшнемъ видѣ онъ нуждается во всякомъ случаѣ еще въ очень подробномъ изученіи и комментированіи, чтобы удовлетворить потребностямъ какъ авторовъ, такъ и издателей. Права и обязанности тѣхъ и другихъ недостаточно выяснены, своеобразныя отношенія журнальнаго (газетнаго) издательскаго договора совсѣмъ обойдены и т. д. Правда, въ Россіи въ настоящее время издательскій договоръ еще не играетъ большой роли [3]) и большинство книгъ сдается лишь на комиссію (для которой, конечно, примѣняются общія постановленія о договорѣ комиссіи), но все же слѣдовало обратить вниманіе уже теперь на издательскія отношенія. Законы не пишутся только для сегодняшняго дня—и если современемъ, съ развитіемъ издательскаго дѣла, придется руководиться скудными нормами

---

[1]) Другое дѣло фотографія. Стоя между искусствомъ и ремесломъ, она вообще пользуется меньшей защитой закона, чѣмъ художественныя произведенія; поэтому можно и согласиться съ ст. 62 п. 4.

[2]) Указанный французскій законъ выражается такъ: Le même droit (de propriété artistique) appartiendra aux sculpteurs et dessinateurs d'ornements quelques soient le mérite et la destination de l'ocuvre. Въ Даніи новый законъ 1908 г. также распространилъ защиту авторскаго права и на прикладное искусство (см. Droit d'auteur за 1908 г. стр. 43 сл.). Ср. еще ст. 2 ч. 4 пересмотрѣнной бернской конвенціи (1908 г.) и Droit d'auteur за 1909 г. стр. 113 сл., 125 сл.

[1]) Редакція закона въ этомъ отношеніи не всегда безупречна. Такъ ст. 27 говоритъ лишь объ авторѣ, статья же 31 имѣетъ въ виду автора „или его наслѣдниковъ“. Конечно, послѣдняя прибавка излишня, такъ какъ по смыслу ст. 6 въ обоихъ случаяхъ надо подъ авторомъ подразумѣвать и его наслѣдниковъ. Ср. также, съ одной стороны, ст. 33 ч. 1, съ другой—ст. 36 и др. Наоборотъ, прибавленіе въ ст. 21 — 32 и др. къ слову авторъ словъ или его правопреемниковъ не излишне, такъ какъ подъ послѣдними понимаются не только наслѣдники, но и другіе (сингулярные) правопреемники, напр., издатели.

[2]) 11 статей вмѣсто 50 въ германскомъ законѣ!

[3]) Шершеневичъ, „Курсъ торговаго права“, стр. 585.

закона 15 марта, то суды очутятся въ затруднительномъ положеніи.

Я ограничусь указаніемъ на ст. 67 и 68. Ст. 67 запрещаетъ категорически переуступку издательскаго права безъ согласія автора (или его правопреемниковъ) [1]). Между тѣмъ есть случай, не предусмотрѣнный закономъ, гдѣ такая переуступка должна быть тѣмъ не менѣе допущена при обсужденіи всего издательскаго предпріятія цѣликомъ. Здѣсь переуступка необходима, иначе было бы немыслимо существованіе издательскихъ предпріятій. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ случаѣ согласія автора на переходъ издательскаго договора, возникаетъ вопросъ, кто отвѣтственъ передъ авторомъ — одинъ лишь новый пріобрѣтатель, или только первоначальный издатель, или оба вмѣстѣ, какъ солидарные должники. Германское право (§ 28 ч. 2 издательскаго закона) разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ. У насъ, однако, необходимо придти къ первому выводу—отвѣтственнымъ является лишь новый издатель, такъ какъ солидарная отвѣтственность за отсутствіемъ спеціальнаго постановленія въ законѣ не предполагается, отвѣтственность же одного перваго издателя противорѣчила бы цѣли переуступки издательскаго договора.

По ст. 68 издательскій договоръ по заявленію автора прекращается, если изданіе не послѣдуетъ въ теченіе 3 лѣтъ. Но какое же значеніе имѣетъ неисполненіе издателемъ обязанности выпустить произведеніе въ свѣтъ въ соотвѣтствующій обстоятельствамъ срокъ? Отвѣтъ можетъ быть одинъ: авторъ еще не имѣетъ здѣсь права отступленія отъ договора, а можетъ лишь требовать исполненія договора и убытковъ [2]). Это рѣшеніе нашего закона надо признать крайне непрактичнымъ и тяжелымъ для авторовъ. Гораздо цѣлесообразнѣе постановленія германскаго издательскаго закона: § 15—издатель обязанъ приступить къ размежеванію произведенія немедленно по полученіи послѣдняго, § 45—если газетная или журнальная статья не будетъ въ теченіе года со времени доставки ея издателю опубликована, то авторъ можетъ заявить объ отступленіи отъ договора. У насъ же законъ не только не различаетъ между обычнымъ издательскимъ договоромъ и договоромъ съ газетой или журналомъ, но и въ обоихъ случаяхъ ставитъ автора въ слишкомъ большую зависимость отъ изданія, предоставляя послѣднему фактически (вслѣдствіе спорности понятія «соотвѣтствующаго обстоятельствамъ срока») возможность оттягивать появленіе произведенія до 3-хъ лѣтъ. Въ виду этого можно только совѣтовать нашимъ авторамъ добиваться предварительнаго соглашенія съ издателемъ насчетъ срока изданія.

Вопросу кинематографіи, составляющей теперь на Западѣ крупную отрасль промышленности, нашъ законъ непонятнымъ образомъ совершенно не посвятилъ вниманія. Между тѣмъ по почину французскаго правительства при пересмотрѣ бернской конвенціи въ 1908 г. принята была ст. 14, спеціально посвященная кинематографіи, и соотвѣтственно этой статьѣ измѣненъ былъ (22 мая 1910 г.) и германскій законъ 1901 г. — къ его § 12 прибавленъ былъ п. 6: авторское право распространяется также на воспроизведеніе литературнаго произведенія кинематографическимъ путемъ. Вслѣдствіе этого измѣненъ былъ и § 14 того же зак. и § 15 зак. 1907 г. (объ авторскомъ правѣ на произведенія искусства).

Въ авторскомъ правѣ кинематографія вызываетъ, главнымъ образомъ, слѣдующій вопросъ. Можно ли воспроизводить этимъ путемъ литературное воспроизведеніе? По нашему праву приходится отвѣтить на это утвердительно, даже передѣлка повѣствовательнаго произведенія для кинематографа должна быть допущена. Подъ публичнымъ исполненіемъ въ смыслѣ ст. 47 нельзя понимать такое нѣмое исполненіе—картина драмы, даваемая кинематографомъ, не можетъ быть отожествлена съ драматическимъ дѣйствіемъ (исключеніе составляетъ пантомима: ее нельзя безъ согласія автора публично исполнять въ кинематографѣ). Передѣлка въ драматическую форму (ст. 31) по той же причинѣ не можетъ обнимать и кинематографическое исполненіе. Наконецъ, воспроизведеніе въ смыслѣ ст. 2 отнюдь не равносильно переносу произведенія на кинематографическую ленту (film). Остается, слѣдовательно, пожертвовать интересами авторовъ ради интересовъ «иллюзіоновъ» и фабрикантовъ кинематографовъ! [1]).

Ф. С. Шендорфъ.

Запродажныя за надѣльную землю.

Со времени воспослѣдованія Высочайшаго указа 9 ноября 1906 г. и послѣ вступленія въ силу закона 14 іюня 1910 г. стали совершаться какъ у нотаріусовъ, такъ и нерѣдко въ волостныхъ правленіяхъ, а также безъ участія этихъ учрежденій запродажныя на надѣльныя земли. Эти запродажныя, сами по себѣ обезпечивающія исполненіе договора купчей крѣпости въ гражданскомъ быту городского населенія, представляютъ собою явленіе крайне печальное въ средѣ крестьянской.

Утрачивается самое значеніе запродажной, какъ способа обезпеченія договора. Все чаще и чаще запродажная дѣлается однимъ изъ средствъ выманить у легковѣрнаго крестьянина большую или меньшую сумму денегъ обѣщаніемъ продать землю. Очень часто нѣтъ еще укрѣпительныхъ документовъ. Но обращаются къ нотаріусу.

---

[1]) См. однако § 28 германскаго издательскаго закона.

[2]) „Недоумѣнія“ г. Канторовича (ук. соч., стр. 262, 263) этого вопроса, такимъ образомъ, совсѣмъ напрасны.

[1]) Въ этомъ смыслѣ рѣшеніе Cour de Paris 12 мая 1909 г., противъ него см. Droit d'auteur 1909 г., стр. 96. Иначе приведенныя у Cohn'a (Das Kinematographenrecht, 1909 г., стр. 23 сл.) рѣшенія французскихъ судовъ въ пользу авторовъ и противъ кинематографовъ, съ наложеніемъ на послѣднихъ обязанности платить убытки до 1500 фр.

Самое участіе нотаріуса придаетъ неопытному и малограмотному крестьянину увѣренность въ томъ, что сдѣлка, совершенная у нотаріуса, не можетъ ему принести ущербъ.

Составляется запродажная.

Вооружившись документомъ, покупатель убѣжденъ въ томъ, что земля останется за нимъ.

Но наступаетъ срокъ совершенія купчей крѣпости. Продавецъ заявляетъ, что у него нѣтъ еще укрѣпительнаго или удостовѣрительнаго документа на продаваемую землю.

При этомъ иногда оказывается, что онъ даже не принималъ никакихъ мѣръ къ полученію такого документа.

Бываетъ, что документъ изготовленъ; но запродажная заключается уже съ другимъ лицомъ, которое въ свою очередь подчасъ дѣлается жертвой человѣка, хорошо понявшаго, какую пользу можно извлечь изъ закона, недостаточно приспособленнаго къ сохранившимся особенностямъ крестьянскаго землевладѣнія.

Послѣ второй жертвы при ловкости продавца и при нѣкоторой молчаливой забитости покупателя на ту же удочку могутъ попасть еще новыя лица. При существующей простотѣ нравовъ продавецъ часто довольно цинично заявляетъ отказъ свой отъ совершенія купчей крѣпости, несмотря на полученіе нѣсколькихъ кровныхъ сотъ рублей отъ покупателя.

Правда, обманутый покупатель имѣетъ право иска объ уплатѣ аванса или же задатка въ двойномъ размѣрѣ либо даже неустойки.

Но взысканіе не можетъ быть обращено на надѣльное, самое цѣнное, имущество продавца.

Остается ожидать возмѣщенія ущерба въ теченіе десятковъ лѣтъ путемъ продажи малоцѣннаго имущества должника.

Но даже съ этой стороны ожидается разочарованіе.

Законы 9 ноября 1906 г. и 14 іюня 1910 г. настолько просвѣтили крестьянъ, что многіе изъ нихъ теперь не боятся никакихъ взысканій. Крестьяне поняли, что они, имѣя право продавать земли и въ то же время получать впередъ деньги за эту землю, имѣютъ право послѣ полученія денегъ земли не отдавать и что самыя деньги могутъ остаться у нихъ, такъ какъ отъ всякихъ взысканій на запроданныя надѣльныя земли въ силу 20 ст. общ. пол. о кр. они ограждены.

Законъ, предоставляя съ одной стороны крестьянамъ право продавать свои земли, освобождаетъ ихъ фактически отъ обязанности возвратить деньги, полученныя ими въ виду выраженнаго ими желанія продать свое имущество.

Съ государственно-правовой точки зрѣнія такое явленіе невозможно.

Замѣтка эта вызвана не теоретическими соображеніями, а наглядными примѣрами. Ко мнѣ, какъ повѣренному, живущему въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ центральной губерніи, въ «мужичьемъ царствѣ», обнищавшіе и обманутые при такихъ условіяхъ крестьяне приходятъ постоянно, и, стоя на почвѣ закона, я обыкновенно ничѣмъ не могу имъ помочь.

Покупаютъ землю не только кулаки, а и другія лица: продавшіе свою землю, возвратившіеся переселенцы.

Необходимо издать новый законъ, по которому крестьяне, получившіе по запродажной на надѣльную землю деньги, не могутъ быть освобождены отъ гражданской отвѣтственности передъ покупателемъ своею, той же надѣльной землей: та надѣльная земля, на которую составлена запродажная, подлежитъ продажѣ по взысканію покупателемъ убытковъ съ неисправнаго контрагента-продавца.

А. фонъ-Гибиманъ.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Собраніе узаконеній и распоряженій правительства.

№ 132. 1 іюля 1911 г.

Ст. 1273. Объ увеличеніи оклада столовыхъ денегъ командирамъ ротъ крѣпостной и осадной артиллеріи и объ установленіи производства порціонныхъ денегъ офицерскимъ и класснымъ чинамъ крѣпостной артиллеріи съ отмѣною разновременно послѣдовавшихъ узаконеній объ отпускѣ того же довольствія чинамъ михайловской, свеаборгской, кронштадтской и выборгской крѣпостныхъ артиллерій.

Ст. 1274. О цѣнахъ процентныхъ бумагъ для исчисленія пошлины съ безмезднаго ихъ перехода на второе полугодіе 1911 г.

Ст. 1275. О цѣнахъ процентныхъ бумагъ, назначенныхъ на второе изданіе 1911 года для пріема въ залоги по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, въ обезпеченіе разсрочиваемаго акциза и таможенныхъ сборовъ.

№ 133. 5 іюля 1911 г.

Ст. 1276. Объ отчужденіи земли для сооруженія желѣзнодорожной линіи отъ станціи Бердяшъ, самаро-златоустовской жел. дор., до станціи Лыська, пермской жел. дор.

Ст. 1277. Объ отчужденіи земли для сооруженія желѣзнодорожной линіи отъ балашинской мануфактуры въ московской губ. и уѣздѣ, до разъѣзда Реутово, московско-нижегородской жел. дор.

Ст. 1278. Объ отчужденіи земли для сооруженія электрической желѣзной дороги отъ черты города Москвы до Сергіевскаго посада, московской губерніи.

Ст. 1279. Объ отчужденіи земли въ предѣлахъ тобольской губерніи для сооруженія желѣзнодорожной линіи.

Ст. 1280. Объ отчужденіи земли въ предѣлахъ звенигородскаго уѣзда, кіевской губерніи, для сооруженія желѣзнодорожной линіи.

Ст. 1281. Объ отчужденіи земли въ предѣлахъ Кубанской области для сооруженія желѣзнодорожной линіи.

Ст. 1282. Объ отчужденіи земли въ предѣлахъ таврической губерніи для сооруженія желѣзной дороги отъ гор. Севастополя до гор. Алушты.

Ст. 1283. Объ отчужденіи земли для сооруженія желѣзнодорожной вѣтви отъ ертильскаго свеклосахарнаго завода, въ бобровскомъ уѣздѣ, воронежской губерніи, до станціи Мордово, юго-восточныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Ст. 1284. О производствѣ выборовъ одного члена государственной думы отъ перваго разряда городскихъ избирателей гор. С.-Петербурга.

Ст. 1285. О принятіи саратовскаго аэро-клуба подъ августѣйшее покровительство Его Император-

скаго Высочества Великаго Князя Александра Михаиловича.

Ст. 1286. Объ открытіи тетіевскаго сельскаго дѣтскаго пріюта вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи въ м. Тетіевкѣ, таращанскаго уѣзда, кіевской губерніи.

№ 134. 6 іюля 1911 г.

Ст. 1287. О продажѣ участка земли изъ ординаціи графа Маврикія-Игнатія-Теодора-Клеменса Замойскаго, близъ г. Томашева, люблинской губерніи, для устройства помѣщеній для 17 томашевской пограничной бригады.

Ст. 1288. О передачѣ вице-адмиралу Сарнавскому особыхъ полномочій въ отношеніи севастопольскаго градоначальства.

Ст. 1289. О производствѣ всероссійскаго внѣцерковнаго сбора пожертвованій на ремонтъ новгородскаго николаевскаго дворищскаго собора.

Ст. 1290. О выпускѣ крестьянскимъ поземельнымъ банкомъ седьмой серіи 5% свидѣтельствъ на 100 милліоновъ рублей.

Ст. 1291. Объ установленіи особаго брейдъ-вымпела флагъ-капитана Его Императорскаго Величества.

№ 135. 8 іюля 1911 г.

Ст. 1292. Объ утвержденіи рисунковъ гербовъ городовъ: Владиміра-Волынскаго, Луцка и Дубно, волынской губерніи.

Ст. 1293. Объ учрежденіи въ гор. Шушѣ, елисаветпольской губерніи, двухъ должностей старшихъ городовыхъ.

Ст. 1294. Объ учрежденіи въ мѣст. Киловарта, при селеніи Гвимеви, Шорапанскаго уѣзда, кутаисской губерніи, одной должности младшаго пѣшаго полицейскаго стражника.

Ст. 1295. Объ учрежденіи на постройкѣ армавиръ-туапсинской желѣзной дороги должности старшаго и пяти должностей младшихъ пѣшихъ полицейскихъ стражниковъ.

№ 136. 9 іюля 1911 г.

Ст. 1296. Объ отводѣ въ аренду акціонерному обществу „Гергардъ и Гей“ участка земли въ с.-петербургскомъ торговомъ портѣ подъ устройство амбара и складовъ съ холодильникомъ для храненія яицъ, масла и другихъ товаровъ.

Ст. 1297. Объ учрежденіи при петровско-александровскомъ дворянскомъ пансіонѣ-пріютѣ въ городѣ Москвѣ трехъ должностей врачей-консультантовъ.

Ст. 1298. О включеніи въ черту гор. Ялты дер. Верхней Аутки и Ливадійской слободки.

Ст. 1299. Объ утвержденіи росписаній цѣнамъ на лошадей и другихъ рабочихъ животныхъ, поставляемыхъ въ войска при мобилизаціи съ 1911 г.

Ст. 1300. О разрѣшеніи гор. Харькову выпуска облигаціоннаго займа въ 6.200.000 рублей нарицательныхъ.

Ст. 1301. О разрѣшеніи посаду Клинцамъ выпуска облигаціоннаго займа въ 120.000 рублей нарицательныхъ.

№ 137. 12 іюля 1911 г.

Ст. 1302. О преобразованіи села Балакова, николаевскаго уѣзда, самарской губерніи, въ городъ, съ введеніемъ въ немъ упрощеннаго городского общественнаго управленія.

Ст. 1303. О переводѣ причта церкви во имя Св. Николая при дерябинскихъ казармахъ въ штатъ духовенства сооружаемаго храма-памятника морякамъ, погибшимъ въ русско-японскую войну.

Ст. 1304. Объ утвержденіи списка подлежащихъ безпошлинному пропуску изъ-за границы препаратовъ, служащихъ для предупрежденія или леченія болѣзней виноградной лозы и плодовыхъ деревьевъ.

Ст. 1305. Объ изданіи новаго списка завѣдомо нефтеносныхъ земель терскаго казачьяго войска.

№ 138, 12 іюля 1911 г.

Ст. 1306. Объ утвержденіи временныхъ правилъ о выдачѣ ссудъ подъ деревянныя парусныя суда, предназначаемыя для плаванія въ прибрежныхъ водахъ приамурскаго генералъ-губернаторства.

Ст. 1307. Объ учрежденіи въ составѣ томской городской полицейской команды одной должности городового.

Ст. 1308. Объ учрежденіи въ составѣ полицейской команды города Екатеринослава четырехъ должностей городовыхъ.

Ст. 1309. О выдѣленіи низовскаго сельскаго общества изъ состава читканской волости, баргузинскаго уѣзда, въ самостоятельное на правахъ волости сельское общество.

Ст. 1310. Объ утвержденіи правилъ относительно взысканія денежнаго сбора съ лицъ, пріѣзжающихъ въ теченіе лѣтняго сезона въ г. Гапсаль.

Ст. 1311. Объ учрежденіи при судженскихъ каменноугольныхъ копяхъ одной должности полицейскаго урядника и двухъ должностей пѣшаго полицейскаго стражника.

Ст. 1312. О перечисленіи дер. Рыковской изъ мартыновской волости, киренскаго уѣзда, въ макаровскую волость того же уѣзда.

Ст. 1313. Объ измѣненіи ст. 25 инструкціи 5 октября 1905 года о порядкѣ продажи лѣса и лѣсныхъ матеріаловъ съ участковъ, отведенныхъ крестьянамъ вологодской, вятской, олонецкой и пермской губерній въ земельный надѣлъ для полеводства по подсѣчной (переложной) системѣ.

Ст. 1314. Объ утвержденіи инструкціи виндавской врачебно-наблюдательной станціи и кронштадтскому врачебно-наблюдательному пункту.

№ 139, 15 іюля 1911 г.

Ст. 1315. О продленіи на 1911 годъ порядка утвержденія торговъ по интендантскому вѣдомству.

Ст. 1316. Объ измѣненіи положенія объ экономическомъ обществѣ офицеровъ войска донского.

Ст. 1317. О переименованіи состоящаго при С.-Петербургскомъ портѣ бассейна для производства опытовъ по постройкѣ судовъ въ опытовый судостроительный бассейнъ и объ утвержденіи положенія и временнаго штата сего бассейна.

Ст. 1318. Объ измѣненіи устава частнаго мужского трехкласснаго коммерческаго училища А. А. Ежовскаго въ гор. Варшавѣ.

Ст. 1319. О дополненіи правилъ о нормальныхъ размѣрахъ убыли въ вѣсѣ грузовъ при перевозкѣ ихъ по желѣзнымъ дорогамъ.

«Освѣдомительное Бюро сообщаетъ»:

„Послѣ рождественскихъ вакацій профессорами женскаго медицинскаго института не было возобновлено чтеніе лекцій, какъ то слѣдуетъ изъ донесеній бывшаго директора института, а совѣтомъ института не было принято никакихъ мѣръ для возобновленія правильнаго теченія учебной жизни. Когда же совѣту института министерствомъ народнаго просвѣщенія было предложено озаботиться возобновленіемъ занятій, совѣтъ отказался принять какія бы то ни было для сего мѣры и лишь впослѣдствіи, благодаря настоятельнымъ требованіямъ министерства, занятія въ институтѣ все-таки возобновились 18 апрѣля и продолжались, при минимальномъ количествѣ слушательницъ (менѣе 30 изъ общаго числа ихъ), до конца полугодія, продленнаго совѣтомъ института до 15 іюля. Однако и тогда нѣкоторая часть профессорскаго состава, какъ это явствуетъ изъ донесеній институтской администраціи, вовсе не возобновила занятій по своимъ курсамъ.

Въ виду того, что профессора женскаго медицинскаго института, существующаго, главнымъ образомъ на ассигнованія изъ суммъ государственнаго казначейства (139 тысячъ рублей), состоятъ на дѣйствительной государственной службѣ, и что посему подобное отношеніе ихъ къ служебному долгу безусловно недопустимо, министромъ народнаго просвѣ-

щенія предложено начальству с.-петербургскаго учебнаго округа поставить о семъ въ извѣстность всѣхъ членовъ совѣта, на который возлагалась отвѣтственность за будущее института, а членамъ совѣта, которые и не прочитали въ теченіе всего весенняго полугодія, съ января по іюль мѣсяцъ, ни одной лекціи и не вели клиническихъ занятій, а именно—ординарнымъ профессорамъ Левину, Тилле, Хлопину и экстраординарнымъ профессорамъ Чистовичу, Виноградову и Савваитову предложить теперь же подать прошенія объ отставкѣ, дабы министерство могло освободить ихъ отъ обязанностей, которыя они не пожелали выполнять".

Распоряженіемъ министра народнаго просвѣщенія исключены всѣ слушательницы женскаго медицинскаго института, не явившіяся на занятія не только въ теченіе весенняго семестра, но не пожелавшія, несмотря на предъявленныя къ нимъ требованія, приступить къ занятіямъ послѣ 18 апрѣля до конца семестра, продленнаго совѣтомъ института до половины іюля. Распоряженіе не коснулось лишь 27 слушальницъ, подчинившихся требованію.

Въ виду ожидавшихся въ весеннемъ полугодіи минувшаго академическаго года попытокъ нарушить правильное теченіе учебныхъ занятій въ университетахъ, циркуляромъ 3 января сего года, за № 192, министерство народнаго просвѣщенія предложило совѣтамъ университетовъ безотлагательно выработать мѣры для установленія дѣйствительнаго надзора за учащимися и своевременнаго привлеченія къ отвѣтственности нарушителей порядка.

Вслѣдствіе этого, въ различныхъ университетахъ, сообразуясь съ мѣстными условіями, были выработаны и приняты разныя мѣры, способствовавшія почти повсемѣстному сохраненію порядка и поддержанію правильнаго теченія учебныхъ занятій,—за исключеніемъ лишь немногихъ университетскихъ городовъ, въ томъ числѣ и С.-Петербурга, гдѣ были сдѣланы наиболѣе серьезныя попытки къ насильственному проведенію, такъ называемой, забастовки. Именно въ с.-петербургскомъ университетѣ этимъ попыткамъ и не было противопоставлено, несмотря на указанія вышеупомянутаго циркуляра, никакихъ заранѣе выработанныхъ учебнымъ начальствомъ мѣръ. Совѣтъ университета только лишній разъ выказалъ свою полную безпомощность въ борьбѣ съ безпорядками, и относительное спокойствіе въ университетѣ,—дозволившее возобновить прерванное было чтеніе лекцій, довести весеннее полугодіе до конца и произвести установленныя испытанія,—было возстановлено исключительно лишь благодаря мѣропріятіямъ внѣшней полицейской власти, противъ которыхъ возражало университетское начальство, считая закрытіе университета единственнымъ средствомъ для сохраненія порядка.

Между тѣмъ, нынѣ совѣтъ названнаго университета, въ засѣданіи 16 мая, согласно предложенію совѣтской комиссіи, возбудилъ ходатайство объ отмѣнѣ мѣръ, предписанныхъ въ постановленіи совѣта министровъ отъ 4 января сего года, а равно объ ускореніи пересмотра дѣлъ объ уволенныхъ изъ университета студентахъ.

Такимъ образомъ, совѣтъ с.-петербургскаго университета, совершенно, повидимому, не интересуясь необходимой выработкой дѣйствительныхъ мѣръ для установленія надзора за учащимся и предупрежденія безпорядковъ, въ то же время озабоченъ лишь скорѣйшимъ дозволеніемъ студенческихъ сходокъ и возвращеніемъ въ университетъ лицъ, уволенныхъ за безпорядки.

Вслѣдствіе этого, министерство народнаго просвѣщенія, совершенно не усматривая въ ходатайствѣ с.-петербургскаго университета залога правильнаго теченія университетской жизни и опасаясь даже, что его удовлетвореніе привело бы немедленно къ повторенію тѣхъ явленій, которыя позорятъ нашу высшую школу, отклонило это ходатайство за полной его преждевременностью, съ повтореніемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, своего предложенія озаботиться, на случай новыхъ попытокъ къ производству безпорядковъ въ с.-петербургскомъ университетѣ въ предстоящемъ академическомъ году, принятіемъ всѣхъ мѣръ, способныхъ парализовать старанія зачинщиковъ безпорядковъ и забастовокъ, дабы послѣдніе не оказались лишній разъ хозяевами въ университетѣ, гдѣ самоуправленіе даровано учащимъ, но не учащимся.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

С.-Петербургскій окружный судъ.

(Дѣло о подлогѣ духовнаго завѣщанія).

(Продолженіе [1]*).*

Супруга подсудимаго Н. Д. Вонлярлярская въ судъ явиться не могла по болѣзни и прислала просьбу объ оглашеніи показаній, данныхъ ею на предварительномъ слѣдствіи.

Изъ показаній свидѣтельницы видно, что, услышавъ отъ мужа разсказъ о родствѣ съ Огинскими впервые по возвращеніи его изъ Гааги, т. е. осенью 1907 г., она затѣмъ вскорѣ увидѣла у мужа прис. пов. Пилецкаго, который, по словамъ мужа, и сообщилъ ему о родствѣ съ Огинскими — въ Парижѣ въ ресторанѣ Пайера.

Пилецкій подтвердилъ это и сообщилъ, что къ нему являлся Н. М. Вонлярлярскій и спрашивалъ совѣта, можно ли воспользоваться хотя бы нѣкоторыми правами по завѣщанію, если завѣщатель, хотя и живъ, но сошелъ съ ума? Тогда же Пилецкій говорилъ, что кн. Огинскаго держатъ въ Герлицѣ насильно и онъ очень безпокоится о судьбѣ своего завѣщанія. Кажется, Пилецкій тогда же говорилъ, что подъ завѣщаніемъ, которое было у Ник. Вонлярлярскаго, въ числѣ другихъ свидѣтельскихъ подписей, была и подпись нѣкоего Ольшевскаго.

Зима 1907—1908 гг. прошла безъ особыхъ событій, а лѣтомъ мужъ показалъ свидѣтельницѣ письмо отъ князя изъ Герлица съ приглашеніемъ пріѣхать. Однако, какъ вскорѣ сказалъ ей мужъ, письмо сгорѣло во время кражи изъ барака.

Осенью того же года снова пріѣхалъ Пилецкій и уговорилъ Дм. Вонлярлярскаго командировать его въ Герлицъ, дабы дать тамъ князю для подписи прошеніе о переосвидѣтельствованіи, причемъ проектъ этого прошенія былъ составленъ камергеромъ Бюттингомъ. Для поѣздки Пилецкаго свидѣтельницѣ пришлось заложить свои бриллианты, но вскорѣ отъ Пилецкаго получено было письмо, что, когда для переосвидѣтельствованія все было уже готово, явилась кн. Огинская и увезла мужа въ Ретово.

Въ началѣ февраля 1909 г. мужъ говорилъ свидѣтельницѣ, что ксендзы предлагаютъ найти завѣщаніе, если онъ приметъ католичество. И, дѣйствительно, какъ удостовѣряетъ свидѣтельница, въ это время къ мужу стало ходить много ксендзовъ и появилось много книгъ о католицизмѣ—по словамъ Дм. Вонлярлярскаго—данныхъ ему митрополитомъ Внуковскимъ и кан. Каревичемъ.

Въ половинѣ марта Дм. Вонлярлярскій говорилъ своей женѣ, что получилъ отъ гр. Потулицкаго телеграмму съ приглашеніемъ въ Ретово, а вскорѣ получена была телеграмма безъ подписи съ увѣдомленіемъ, что кн. Огинскій скончался, но Дм. Вонлярлярскому все-таки слѣдуетъ ѣхать.

Возвратившись изъ Ретова, Дм. Вонлярлярскій разсказалъ, что былъ принятъ княгиней очень вѣж-

---

[1]) См. №№ 25—28 „Права".

ливо, причемъ она обѣщала съ своей стороны поискать завѣщаніе.

Передавая о дальнѣйшихъ событіяхъ согласно съ тѣмъ, что показывала Е. Д. Данзасъ, свидѣтельница говоритъ, что въ половинѣ мая Дм. Вонлярлярскій вновь выѣзжалъ въ Варшаву для какихъ-то переговоровъ съ Пилецкимъ. А затѣмъ, по словамъ Дм. Вонлярлярскаго, передаваемымъ свидѣтельницей, прис. пов. Казанджіевъ нашелъ Ольшевскаго и Михаловскаго, и вскорѣ произошелъ совмѣстный завтракъ съ гр. Потулицкимъ, причемъ послѣдній произвелъ на свидѣтельницу весьма несимпатичное впечатлѣніе.

Вскорѣ Казанджіевъ бросилъ дѣло, и Дм. Вонлярлярскій жаловался, что остался безъ всякихъ средствъ къ розыску завѣщанія.

Свидѣтельница къ этому времени переѣхала въ имѣніе, но въ началѣ августа ее вызвали оттуда извѣстіемъ, что завѣщаніе нашлось; говорили, что оно получено отъ Домбровскаго при посредствѣ Адамчевскаго.

Въ сентябрѣ опять пріѣхалъ Пилецкій и, выразивъ свое неудовольствіе на то, что его не извѣстили о находкѣ и утвержденіи завѣщанія, убѣдилъ Дм. Вонлярлярскаго вновь послать его въ Берлинъ, чтобы запастись свидѣтельствами доктора на случай спора. На эту поѣздку Пилецкому было дано 1.500 р. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ говорилъ, что особенно споровъ опасаться не слѣдуетъ, ибо „у него есть на кн. Огинскую узда".

Въ консультаціяхъ, происходившихъ по дѣлу, руководилъ всѣмъ Вл. Вонлярлярскій, чѣмъ свидѣтельница была очень недовольна, боясь „какъ бы онъ не запуталъ во что-нибудь" ея мужа. Несимпатиченъ ей былъ и Казанджіевъ, приглашенный Вл. Вонлярлярскимъ. За это время, до ареста, Пилецкій пріѣзжалъ неоднократно.

За день-два до ареста у свидѣтельницы былъ такой разговоръ съ мужемъ: замѣтивъ его блѣдное лицо и удрученный видъ, она спросила его о причинѣ.

— При чемъ тутъ здоровье?—отвѣтилъ Дм. Вонлярлярскій.—Развѣ тебѣ, моя милая, не странно, что я гибну, спасая отца? Ты знаешь, какъ онъ насъ запуталъ денежно.

На просьбу объясниться, Дм. Вонлярлярскій отвѣтилъ:

— Милая, я такъ измученъ—не приставай. Я тебѣ уже сказалъ...

Наканунѣ ареста между отцомъ и сыномъ произошла крупная размолвка, во время которой свидѣтельница слышала фразу:

— Надо было отдать ксендзу завѣщаніе до суда!

Вл. Вонлярлярскій уѣхалъ взбѣшенный.

Послѣ полученія повѣстки къ слѣдователю, Дм. Вонлярлярскій уговаривалъ свидѣтельницу успокоиться, такъ какъ „судьи—не враги, и на судѣ все выяснится".

Свидѣтельница убѣждена, что въ завѣщаніи былъ больше заинтересованъ Вл. Вонлярлярскій, дѣла котораго къ этому времени пришли въ полный упадокъ, причемъ до уплаты долговъ не было никакой надежды поправить ихъ.

Свидѣтельница утверждаетъ, что Дм. Вонлярлярскій былъ недоволенъ текстомъ записки о завѣщаніи и сердился на Бородина за то, что тотъ издалъ ее.

Мужа своего свидѣтельница считаетъ человѣкомъ легкомысленнымъ, порою вспыльчивымъ и рѣзкимъ, но добрымъ, отзывчивымъ и благороднымъ.

Въ послѣднемъ своемъ показаніи, отъ 19 сентября 1910 г., свидѣтельница показала слѣдующее: „11 сентября 1910 г. мнѣ было разрѣшено свиданіе съ моимъ мужемъ. Во время свиданія мой мужъ, въ порывѣ отчаянія, со слезами на глазахъ, сознался мнѣ въ подлогѣ завѣщанія и сказалъ, что въ это дѣло втянулъ его отецъ, который затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ и учинилъ этотъ подлогъ".

Прис. пов. М. Л. Гольдштейнъ, въ связи съ этимъ, просилъ судъ объ оглашеніи показаній подсудимаго Дм. Вонлярлярскаго, данныхъ послѣ 19 сентября.

20 сентября Дм. Вонлярлярскій призналъ себя виновнымъ въ подлогѣ завѣщанія и далъ показанія, уличающія Пилецкаго, причемъ на другіе вопросы отказался отвѣчать.

Равнымъ образомъ, Дм. Вонлярлярскій подтвердилъ слова жены и заявилъ, что „въ настоящее время по вопросамъ виновности въ этомъ дѣлѣ своей и отца", онъ никакихъ объясненій дать не можетъ.

Въ связи съ этимъ пожелалъ дать объясненія подс. Дм. Вонлярлярскій.

Подсудимый, прежде всего, отмѣчаетъ, что ему очень трудно говорить, такъ какъ въ настоящее время жена его настолько больна, что, быть можетъ, ему не придется уже увидѣться съ нею. И это тѣмъ болѣе тяжело подсудимому, что, кромѣ жены, у него въ жизни друзей не было.

Обращаясь къ настоящему дѣлу, подсудимый указываетъ, что онъ и безъ совѣта отца застрѣлился бы, если бы чувствовалъ себя виноватымъ, и въ этомъ отношеніи считаетъ нужнымъ, въ связи съ показаніемъ жены, пояснить слѣдующее:

Послѣ ареста онъ былъ поставленъ въ ужасныя условія: несмотря на всѣ его требованія, слѣдователь уликъ ему не предъявлялъ и только требовалъ, чтобы подсудимый сознался и выдалъ того, кто имъ руководилъ, ибо, какъ слѣдователь говорилъ, невѣроятно, чтобы подсудимый самъ совершилъ все.

Наряду съ этимъ, подсудимому не давали свиданій, а письма приходили съ значительнымъ опозданіемъ, между тѣмъ, свидѣтелю было извѣстно, что его жена и ребенокъ очень больны. Дѣло дошло до того, что телеграмма о томъ, что „жена его при смерти, предстоитъ серьезная операція" — передана была ему лишь на 10-й день. Совершенно естественно, что состояніе его было ужасно.

Въ сентябрѣ свидѣтелю была предъявлена первая бумага по дѣлу, и онъ сразу увидѣлъ изъ нея, что Пилецкій все время его обманывалъ, и завѣщаніе подложно.

Когда потомъ, 11 сентября 1910 г., къ нему на первое свиданіе явилась жена и онъ узналъ, что ребенокъ его умеръ, а жена рѣшилась на ужасную операцію только потому, что вѣрила въ его невиновность и хотѣла жить, чтобы придти въ судъ и спасти его, когда, вмѣсто здороваго человѣка, онъ увидѣлъ тѣнь, когда онъ при этомъ уже понялъ, что единственнымъ разумнымъ стимуломъ подлога могли быть промессы, подписанныя имъ,—естественно, онъ призналъ себя виновнымъ, но, говоря о своемъ участіи въ преступленіи, онъ не хотѣлъ этимъ сказать, что онъ физически участвовалъ въ подлогѣ.

— Но, какъ же вы объясните, — спрашиваетъ предсѣдатель В. Кудринъ, — вполнѣ опредѣленныя слова вашей жены, что вы признаете себя виновнымъ въ подлогѣ, который вы учинили совмѣстно съ вашимъ отцомъ, втянувшимъ васъ въ это дѣло?

— Наше общее состояніе было таково, что жена могла понять мои слова именно такъ...

— Но вѣдь тутъ же говорится вполнѣ опредѣленно объ отцѣ?

— Видите ли,—продолжаетъ подсудимый,—отецъ мой говорилъ здѣсь, что онъ не давалъ мнѣ совѣтовъ. Я все время молчалъ, но могу сказать теперь одно: совѣты видны. Когда я отказалъ Михаловскому въ деньгахъ, отецъ ему послалъ и т. д. А главный совѣтъ—подписать всеподданнѣйшее прошеніе о титулѣ, что я и сдѣлалъ въ лагеряхъ на барабанѣ, а затѣмъ подалъ прошеніе по командѣ, приложивъ къ нему копію завѣщанія. Но я и въ этомъ, впрочемъ, признаю виновнымъ только себя.

— Позвольте, но вѣдь вы же были увѣрены, что завѣщаніе подлинно? Въ чемъ же вы признаете себя виновнымъ?

— Я виновенъ въ томъ, что подлогъ есть!

— Но вѣдь васъ же, подсудимый, обвиняютъ въ опредѣленныхъ дѣйствіяхъ. Какъ же вы понимаете свою виновность?

— Я говорю, что чувствую въ душѣ. Я не юристъ, законовъ не знаю, и по статьямъ его я не виновенъ!

Въ опросъ подсудимаго вступаетъ членъ суда г. Пороховщиковъ, но и тутъ опредѣленныхъ объясненій добиться не удалось. Во всякомъ случаѣ, подсудимый заявилъ, что „слова, сказанныя имъ женѣ, могли вырваться у него случайно!“.

Прис. пов. М. Л. Гольдштейнъ интересуется, въ связи съ этимъ, что говорилъ Михаловскій Домбровскому передъ тѣмъ, какъ познакомить его съ Дм. Вонлярлярскимъ. Послѣ того, какъ этотъ вопросъ повторили нѣсколько разъ, Домбровскій отвѣтилъ:

— Михаловскій просилъ меня не проговориться передъ Дм. Вонлярлярскимъ, что завѣщаніе подписано только что.

— Никогда ничего подобнаго я не говорилъ, — возражаетъ Михаловскій,—и вообще я не понимаю, о какихъ подлогахъ тутъ говорятъ, когда никакого подлога не было!

Вечернее засѣданіе почти цѣликомъ посвящается окончанію допроса прис. пов. Д. Н. Бородина. Стороны стремятся выяснить, главнымъ образомъ, вопросъ, объ экспертизѣ, произведенный Буринскимъ, а также о запискѣ, разсылавшейся членамъ госуд. совѣта, министрамъ и др., и о векселяхъ Дм. Вонлярлярскаго, появившихся въ связи съ завѣщаніемъ.

Послѣдніе два вопроса остались невыясненными, такъ какъ оказалось, что свидѣтелю, несмотря на близость его къ дѣламъ Дм. Вонлярлярскаго, неизвѣстны многіе факты, раскрытые судебнымъ слѣдствіемъ. Въ частности, по вопросу о запискѣ, свидѣтель твердо установилъ одно обстоятельство, что Дм. Вонлярлярскій полностью соглашался со всѣми ея утвержденіями и положеніями, и свидѣтель не знаетъ, почему и когда именно на поляхъ одного изъ экземпляровъ этой записки появились собственноручныя отмѣтки подсудимаго: „невѣрно“, „инсинуація“ и т. д. По вопросу же о векселяхъ окр. судъ постановилъ навести справку въ коммерческомъ судѣ.

Въ отношеніи экспертизы выяснилось, что „послѣ различныхъ манипуляцій съ чернилами“, производившихся экспертомъ, несмотря на то, что экспертировался не подлинникъ-завѣщаніе, а лишь фотографическій снимокъ съ него, экспертъ Буринскій призналъ завѣщаніе подлиннымъ и, въ общей сложности получилъ за это 6 тыс. р., причемъ требовалъ даже прибавки, угрожая, въ противномъ случаѣ, „предложить свои услуги противной сторонѣ“.

16 мая, въ пятнадцатый день засѣданій, спб. окр. судъ приступилъ къ допросу свидѣтелей, вызванныхъ защитой.

Первымъ оглашается показаніе ксендза Гугиса, вызваннаго Дм. Вонлярлярскимъ и неявившагося по болѣзни. Свидѣтель этотъ показалъ, что въ концѣ 1906 г. онъ бесѣдовалъ съ кн. Б. Огинскимъ, и послѣдній сказалъ, что духовное завѣщаніе имъ составлено и хранится у одного изъ ксендзовъ Екатерининскаго костела въ Петербургѣ.

Тов. прокурора Ненарокомовъ обращаетъ вниманіе суда и присяжныхъ засѣдателей на то, что въ 1906 г. кн. Огинскій былъ уже совершенно боленъ и содержался въ больницѣ.

Изъ оглашеннаго затѣмъ показанія кн. Н. Радзивилла видно, что и ему въ Варшавѣ Дм. Вонлярлярскій говорилъ въ 1908—1909 гг., что кн. Б. Огинскій оставилъ ему свое состояніе. Дм. Вонлярлярскій просилъ дать ему рекомендательное письмо въ одну изъ польскихъ библіотекъ для наведенія справокъ о бракѣ одного изъ кн. Огинскихъ съ Теклей Лярской.

Прис. пов. Бацярскій, показанія котораго также были оглашены, передаетъ, что 25 марта 1909 г. прис. пов. Адамчевскій по телеграфу просилъ его Огинскаго. Свидѣтель исполнилъ эту просьбу и вскорѣ Адамчевскій копію завѣщанія вернулъ ему.

Вызванная защитою Вл. Вонлярлярскаго старая гувернантка его семьи Джесси Флеммингъ передаетъ такое обстоятельство. Оказывается, что она слышала отъ Дм. Вонлярлярскаго о пропажѣ письма изъ Герлица еще до своего отъѣзда въ Лондонъ, который состоялся 18 іюня 1908 г., т. е. задолго до кражи изъ барака и до того, какъ Дм. Вонлярлярскій, по его объясненіямъ, получилъ это письмо.

Свидѣтельница отмѣчаетъ рознь, царившую въ семьѣ между родителями и дѣтьми, причемъ послѣднія, а среди нихъ, главнымъ образомъ, Дмитрій Вонлярлярскій были крайне непочтительны къ родителямъ и, называя отца „махровымъ дуракомъ“, говорили, что онъ совсѣмъ недалекій человѣкъ и надъ нимъ слѣдуетъ учредить опеку.

Дм. Вонлярлярскій былъ человѣкомъ самоувѣреннымъ и ничьимъ вліяніямъ не покорялся: онъ вѣрилъ въ спиритизмъ и считалъ, что въ немъ живетъ духъ Оттона, императора римскаго.

Отецъ относился къ сыну очень хорошо, давалъ ему 12 тыс. руб. въ годъ, на квартиру, лошадей, экипажи и т. п., давалъ и послѣ разрыва—по 6 тыс. руб. въ годъ, несмотря на то, что дѣла его были уже разстроены и ему приходилось ограничивать себя во всемъ. Дм. Вонлярлярскій мечталъ о блестящей карьерѣ и жалѣлъ, что у него нѣтъ достаточныхъ средствъ на устройство такой карьеры.

Супруга подс. В. Вонлярлярскаго не пожелала воспользоваться правомъ отказаться отъ дачи показаній и подтвердила утвержденіе Джесси Флеммингъ, что о письмѣ изъ Герлица сынъ разсказывалъ ей еще въ іюнѣ 1908 г. Г-жа Вонлярлярская даже устанавливаетъ, что это имѣло мѣсто 17 іюня. Разговоръ же о таинственной встрѣчѣ въ Парижѣ происходилъ между 15 и 18 августа 1907 г.

Во время показаній свидѣтельницы о семейныхъ отношеніяхъ произошла тяжелая сцена. Свидѣтельница все время крайне волновалась, и ея показанія часто прерывались рыданіями. Въ концѣ концовъ, не выдержалъ и подс. Вл. Вонлярлярскій и, рыдая, вскричалъ:

— Довольно! довольно! Я отказываюсь отъ дальнѣйшаго допроса.

Впечатлѣніе и отъ показаній свидѣтельницы и отъ этого истерическаго крика было настолько тяжелое, что плакали и совершенно посторонніе Вонлярлярскимъ подсудимые Пилецкій и Проневскій.

Судомъ былъ объявленъ перерывъ, но свидѣтельница заявила о своемъ непреклонномъ желаніи давать показанія до конца.

Суть ея показаній сводится къ слѣдующему.

Подъ вліяніемъ разныхъ причинъ Дм. Вонлярлярскій совершенно отошелъ отъ родителей, ничего не слушалъ „и осуществлялъ свою волю вопреки всѣмъ“. При этомъ сынъ ея любилъ „уклоняться отъ истины“ и дошелъ даже до того, что желалъ удалить отца отъ дѣлъ, такъ какъ считалъ его „умственно и нравственно ослабѣвшимъ“.

Прис. пов. Бородинъ позволялъ себѣ часто рѣзкія выходки по отношенію Вл. Вонлярлярскаго и свидѣтельницы, и они просили сына оградить ихъ отъ этихъ выходокъ, но сынъ не обращалъ вниманія на ихъ просьбы.

Мужа своего свидѣтельница считаетъ „человѣкомъ, чистымъ душей, рыцаремъ, неспособнымъ на обманъ, котораго, благодаря его чрезвычайной довѣрчивости, всѣ обманывали“.

Главнымъ основаніемъ, вызвавшимъ разрывъ между родителями и дѣтьми, свидѣтельница считаетъ „новыя вѣянія“.

— Молодые Вонлярлярскіе говорили, что знаютъ соціологію, а мы—знаемъ жизнь!

Свидѣтельница, между прочимъ, устанавливаетъ: 1) что по совмѣстным[illegible]

что нѣкій г-нъ Семполь и предлагалъ ему отъ имени гр. Потулицкаго сто тысячъ рублей. Это тотъ самый Михаловскій, который теперь занимаетъ, хотя и скромное, но весьма видное мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ.

Всѣ обстоятельства этого дѣла и самый текстъ завѣщанія служатъ самой неопровержимой уликой въ томъ, что подсудимые, а, въ частности, главные изъ нихъ, Д. и В. Вонлярлярскіе, не могли не знать о томъ, что завѣщаніе подложно.

Если ген. Вонлярлярскій былъ выбранъ княземъ только для того, чтобы оскорбить его ближайшихъ наслѣдниковъ, то князю не было бы надобности ни завѣщать графу Залусскому по 50.000 руб. ежегодно въ теченіе 10 лѣтъ, ни назначать другія выдачи кн. Огинской и гр. Потулицкому. Самый текстъ завѣщанія и его содержаніе свидѣтельствуютъ о томъ, что люди, его составлявшіе, великолѣпно освѣдомлены обо всѣхъ обстоятельствахъ жизни Богдана Огинскаго, и этими своими назначеніями старались обезоружить будущихъ своихъ враговъ.

— Дмитрій Вонлярлярскій здѣсь заявляетъ, что единственная серьезная противъ него улика, выдвинутая обвиненіемъ, это то, что завѣщаніе составлено въ его пользу. Но я вижу главную улику не въ этомъ, а въ томъ, что безъ Дмитрія Вонлярлярскаго и его отца завѣщаніе не могло бы быть ни создано, ни осуществлено, ни утверждено. Въ самомъ дѣлѣ, выкиньте изъ процесса ихъ, и что же вы получите? Если бы они были „вовлечены“ какой-то неизвѣстной шайкой, то зачѣмъ этой неизвѣстной группѣ людей было бы составлять завѣщаніе именно въ пользу Дмитрія Вонлярлярскаго и косвенно въ пользу его отца, когда, при существованіи рода Огинскихъ въ теченіе многихъ столѣтій, рода, связаннаго съ исторіей страны, они могли бы найти много лицъ, хотя бы и православныхъ, находящихся въ гораздо болѣе близкомъ родствѣ съ Огинскими, чѣмъ Вонлярлярскіе?

Далѣе прокуроръ разбираетъ исторію отношеній Вонлярлярскихъ къ Богдану и Михаилу Огинскимъ и, находя, что, если бы Огинскій дѣйствительно былъ близокъ съ генераломъ Вонлярлярскимъ и желалъ бы сдѣлать его продолжателемъ своего старинаго рода, носителемъ герба и титула и наслѣдникомъ имущества, то онъ не могъ бы назначить преемникомъ правъ Н. Вонлярлярскаго—Дмитрія, котораго Н. Вонлярлярскій совершенно не признавалъ, называлъ „Лжедмитріемъ“ и „самозванцемъ“ и съ которымъ даже не кланялся.

— Я касаюсь больного мѣста,—говоритъ прокуроръ,—но не моя въ томъ вина: всякое преступленіе роковымъ образомъ влечетъ за собою непріятныя послѣдствія.

Въ 1906 г.,—говоритъ далѣе прокуроръ,—трагически погибъ въ Варшавѣ генералъ Вонлярлярскій. Онъ былъ разорванъ брошенной въ него бомбой. И кн. Огинскій, который, по словамъ обвиняемыхъ, былъ въ такихъ близкихъ съ нимъ отношеніяхъ, не принялъ въ этомъ никакого участія, не поинтересовался даже познакомиться съ его племянникомъ, будущимъ носителемъ своего титула. Развѣ таково должно бы быть это отношеніе, если бы кн. Огинскій желалъ сдѣлать своимъ наслѣдникомъ не гр. Залусскаго, какъ объ этомъ говорили здѣсь свидѣтели, а Дмитрія Вонлярлярскаго? Пускай, всѣ остальные свидѣтели: кн. Огинская, гр. Потулицкій и другіе—могутъ быть заподозрѣны въ „польской интригѣ“, мы ихъ отбросимъ, но князь Святополкъ-Мирскій, бывшій виленскій генералъ-губернаторъ—не полякъ; и онъ здѣсь намъ показывалъ, что князь Богданъ Огинскій обращался къ нему въ 1904 г. съ просьбой похлопотать объ учрежденіи маіората не въ пользу Дмитрія Вонлярлярскаго, а въ пользу все того же, дѣйствительно, близкаго ему человѣка, гр. Іосифа Залусскаго.

— Единственный, кто могъ не знать, что завѣщаніе подложно,—признаетъ товар. прокурора,—это прис. повѣр. Казанджіевъ. Онъ дѣйствительно, могъ повѣрить, что могущественный родъ Вонлярлярскихъ состоитъ въ родствѣ съ древнимъ родомъ князей Огинскихъ. Я считаю виною этого заблужденія тотъ снобизмъ Казанджіева, который заставилъ его бросить гражданскую практику и заняться дѣлами административными, и, благодаря которому, онъ здѣсь на судѣ съ чисто-ребяческой хвастливостью перечислялъ высокопоставленныхъ лицъ, бывшихъ въ числѣ его кліентовъ.

— Между Огинскими и Вонлярлярскими существовало не родство, а, то, что потревоженный Владиміромъ Вонлярлярскимъ и вызванный сюда 72-лѣтній старецъ, Добрачеевъ, опредѣлилъ словомъ—cousinage. Слово это происхожденія бретонскаго, а потому я позволю себѣ разъяснить, что въ Бретани такъ именуютъ другъ друга всѣ жители этой страны.

— Я еще разъ и сразу же заявляю, что главная улика обвиненія въ томъ, что ни Дмитрій, ни Владиміръ Вонлярлярскіе никогда не могли заблуждаться въ подложности завѣщанія,—заканчиваетъ общую часть своей рѣчи прокуроръ, и проситъ перерыва.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

ХРОНИКА.

Въ происходившемъ 12 іюля, подъ предсѣдательствомъ П. А. Столыпина, засѣданіи совѣта министровъ подвергнутъ обсужденію выработанный междувѣдомственной комиссіей, подъ предсѣдательствомъ сенатора Макарова, **проектъ преобразованія полиціи** въ Имперіи, состоящій изъ 1) проекта учрежденія полиціи, 2) проекта устава полицейскаго и 3) заключенія комиссіи, содержащаго въ себѣ сводъ вызываемыхъ настоящимъ преобразованіемъ дополнительныхъ къ упомянутымъ учрежденію и уставу постановленій.

Въ основаніе своихъ работъ комиссія положила выясненіе главнѣйшихъ недостатковъ нынѣшняго полицейскаго устройства. Въ ряду ихъ комиссія отмѣтила, прежде всего, отсутствіе единства въ организаціи полиціи и разнообразіе ея видовъ, являющіяся результатомъ того, что входящія въ составъ ея различныя части образовывались разновременно и не по общему плану, а подъ вліяніемъ постепенно нараставшихъ практическихъ потребностей жизни. Создавшіеся, въ зависимости отъ сего, разнообразные виды полиціи, различаются между собой не только обязанностями, почти во всемъ однородными, а по признакамъ мѣста служенія, состава служащихъ и нѣкоторыхъ особенностей службы. Въ этомъ направленіи комиссія полагала необходимымъ подчинить всѣ виды полиціи въ Имперіи, за исключеніемъ полиціи дворцовыхъ городовъ, состоящей въ завѣдываніи министра Императорскаго двора,—министру внутреннихъ дѣлъ, а на мѣстахъ—губернаторамъ. Что касается нѣкоторыхъ отдѣльныхъ видовъ полиціи, каковы: рѣчная, портовая и фабрично-заводская, то эти категоріи полиціи комиссія нашла возможнымъ сохранить и впредь на существующихъ основаніяхъ, такъ такъ входящіе въ составъ ихъ чины ни по свойству службы, ни въ порядкѣ под-

чиненности, не отличаются отъ соотвѣтствующихъ имъ чиновъ общей уѣздной и городской полиціи. Равнымъ образомъ, комиссія нашла правильнымъ оставить попрежнему въ вѣдѣніи главнаго управленія землеустройства и земледѣлія казенную лѣсную стражу, а также предусматриваемыхъ уставомъ сельскаго хозяйства полевыхъ и охотничьихъ сторожей.

Своеобразную военную организацію отдѣльнаго корпуса жандармовъ комиссія признала желательнымъ удержать и на будущее время, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, полагала необходимымъ прекратить его нынѣшнюю обособленность, въ качествѣ отдѣльной отрасли полицейскаго строя. Въ этихъ видахъ комиссія проектировала объединить въ рукахъ будущаго (по проекту губернской реформы) помощника губернатора или помощника градоначальника по полицейской части, назначаемаго изъ чиновъ жандармскаго корпуса, ближайшее на мѣстахъ завѣдываніе какъ чинами полиціи, такъ и названнаго корпуса въ губерніяхъ и крупнѣйшихъ градоначальствахъ. Съ учрежденіемъ этой новой должности могли бы быть упразднены должности начальниковъ губернскихъ жандармскихъ управленій.

Въ отношеніи нынѣшней выборной сельской полиціи (волостные старшины, старосты и десятскіе) комиссія нашла, что, при всей неудовлетворительности этой полиціи, ее, по соображеніямъ финансоваго свойства, придется пока сохранить, согласовавъ лишь дѣйствующія о ней постановленія закона съ внесенными (въ декабрѣ 1908 года) министромъ внутреннихъ дѣлъ въ государственную думу законопроектами о волостномъ и поселковомъ управленіяхъ, построенныхъ на всесословномъ началѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, комиссія полагала, что волостного старшину, сельскаго старосту и десятскаго надлежитъ формально включить въ составъ особой сельской полиціи. Наконецъ, комиссія сочла нужнымъ оставить въ нынѣшнемъ видѣ существующую въ прибалтійскихъ губерніяхъ волостную и мызную полицію, основанную на исторически сложившихся бытовыхъ условіяхъ названнаго края, на который не предполагается также распространять и вышеупомянутые законопроекты о волостномъ и поселковомъ управленіяхъ.

Серьезнымъ несовершенствомъ современнаго полицейскаго строя, комиссія признала отсутствіе правильнаго распредѣленія между чинами полиціи возлагаемыхъ на нихъ обязанностей и надлежащей спеціализаціи этихъ чиновъ. Въ устраненіи сего, комиссія, по примѣру Германіи и Австріи, проектировала установить раздѣленіе подвѣдомственныхъ мѣстнымъ полицейскимъ управленіямъ чиновъ на 4 категоріи, съ возложеніемъ на каждую изъ нихъ отдѣльныхъ обязанностей: а) по поддержанію наружнаго порядка; б) по веденію дѣлъ административно-полицейскихъ; в) по судебно-уголовнымъ дѣламъ, и г) по розыску о происшествіяхъ, заключающихъ въ себѣ признаки преступныхъ дѣяній. Соотвѣтственно съ этимъ, полиція раздѣляется въ проектѣ на: 1) наружную, 2) административную, 3) уголовную и 4) розыскную. Впрочемъ, отмѣченное раздѣленіе не имѣетъ характера обособленія полиціи на отдѣльныя части, а должно выразиться только въ полезной для дѣла спеціализаціи полицейскихъ чиновъ по роду порученныхъ имъ дѣлъ.

Многіе крупные недостатки современнаго полицейскаго строя зависятъ отъ тѣхъ условій, въ которыя законъ,—съ одной стороны, а жизнь, съ другой—поставили самую службу въ полиціи. Какъ извѣстно, условія эти далеко не обезпечиваютъ вполнѣ удовлетворительнаго качественнаго состава служащихъ въ полиціи, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, не соотвѣтствуютъ во многомъ тому важному значенію, которое имѣетъ полицейская служба въ качествѣ необходимаго устоя государственнаго правопорядка. Чтобы поднять значеніе полицейской службы, комиссія нашла нужнымъ ввести въ проектъ учрежденія полиціи точное указаніе о томъ, какія лица вообще могутъ быть назначаемы на должности по уѣздной, городской и розыскной полиціи, а равно въ уѣздную полицейскую стражу, а также опредѣлить въ законѣ тѣ минимальныя требованія служебнаго и образовательнаго ценза, отсутствіе коихъ препятствуетъ занятію полицейскихъ должностей. Кромѣ того, министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется, согласно проекту учрежденія полиціи, учреждать для подготовки къ полицейской службѣ особые курсы и школы. Наряду съ этимъ, чтобы повысить и сдѣлать болѣе устойчивымъ служебное положеніе полицейскихъ чиновъ, комиссія признала полезнымъ присвоить болѣе высокіе классы полицейскимъ должностямъ, переименовавъ полицейскихъ исправниковъ въ уѣздные начальники, и создать необходимыя улучшенія въ порядкѣ увольненія чиновъ полиціи.

Малочисленность состава полиціи, по сравненію съ численностью и плотностью населенія, пользующагося ея служебнымъ трудомъ, была признана комиссіей вопросомъ, имѣющимъ весьма существенное значеніе. Въ цѣляхъ усиленія состава полиціи, главнымъ образомъ, въ сельскихъ мѣстностяхъ, комиссія проектировала учредить новую должность помощника станового пристава, постановивъ, что на каждые три уѣзда полагается по одной такой должности.

Комиссія рѣшительно высказалась за необходимость повышенія окладовъ содержанія полицейскихъ чиновъ, въ соотвѣтствіи съ чѣмъ выработала новые полицейскіе штаты. Согласно предположеннымъ комиссіею новымъ окладамъ и должностямъ, расходы на содержаніе полиціи должны выразиться, вмѣсто 35 милл. руб., расходуемыхъ въ настоящее время, въ 58 милл. руб., изъ коихъ около 14 милл. руб. должны упасть на города.

Наконецъ, остановившись на вопросѣ о распредѣленіи расходовъ на полицію между казною и городами, комиссія сочла наиболѣе правильнымъ точно установить въ издаваемомъ законѣ перечень тѣхъ расходовъ на полицію, которые должны быть относимы на счетъ казны, и тѣхъ, которые покрываются изъ городскихъ средствъ, указавъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что если полицейскіе расходы города превысятъ опредѣленную норму, въ 15 проц. общаго итога смѣтныхъ городскихъ расходовъ, то они обязательно

принимаются въ соотвѣтствующей части, превышающей упомянутую норму, на счетъ государственнаго казначейства.

Независимо отъ сего, комиссія отмѣтила чрезвычайную обремененность чиновъ полиціи множествомъ обязанностей, не имѣющимъ ничего общаго съ прямой ихъ задачею по охранѣ порядка и безопасности. Въ видахъ упорядоченія этой стороны дѣла комиссія, на основаніи тщательнаго пересмотра всѣхъ дѣйствующихъ узаконеній, возлагающихъ на полицію тѣ или иныя обязанности, составила перечень обязанностей, кои подлежатъ сложенію съ чиновъ полиціи. На будущее время часть сихъ обязанностей, не имѣющихъ никакого реальнаго значенія, останется вовсе безъ исполненія, а часть перейдетъ къ существующимъ должностнымъ лицамъ другихъ вѣдомствъ, къ земскимъ и городскимъ общественнымъ установленіямъ, а также къ дворянскимъ, мѣщанскимъ, крестьянскимъ и проч. сословнымъ учрежденіямъ. Наконецъ, комиссія признала желательнымъ: а) отмѣнить обязанности полиціи по объявленію распоряженій и рѣшеній правительственныхъ мѣстъ и по вручению разнаго рода документовъ; б) сложить съ полиціи обязанности по вручению денегъ, по взысканію налоговъ и недоимокъ и по разсылкѣ окладныхъ листовъ и проч.

Однимъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ полицейскаго дѣла въ нынѣшней его постановкѣ комиссія признала отсутствіе одного общаго для руководства дѣятельностью чиновъ полиціи устава, особенно необходимаго въ періодъ реорганизаціи полиціи. Комиссія сочла нужнымъ замѣнить отжившій уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій новымъ, проектированнымъ ею, полицейскимъ уставомъ, въ которомъ сведены воедино всѣ главнѣйшія обязанности полиціи. При этомъ названный уставъ содержитъ въ себѣ постановленія двоякаго рода. Въ однихъ точно указаны условія и порядокъ производства полиціею лежащихъ на ея обязанности служебныхъ дѣйствій; въ другихъ же сдѣланы ссылки на тѣ части свода законовъ, кои опредѣляютъ особыя обязанности полиціи, вытекающія либо изъ прямого ея назначенія, либо изъ вспомогательной ея дѣятельности, въ качествѣ органа административной власти. Проектомъ новаго полицейскаго устава намѣчены, между прочимъ: 1) употребленіе чинами полиціи въ дѣло оружія, 2) институтъ карательныхъ постановленій и 3) правила о полицейскомъ надзорѣ.

—

Въ общее собраніе кассаціонныхъ департаментовъ сената поступило дѣло полицейскаго казака 1 уч. новочеркасской городской полиціи Попова въ виду разногласія, возникшаго между новочеркасской судебной палатой, съ одной стороны, и прокуроромъ той же палаты и областнымъ войска донского правленіемъ, съ другой стороны, по вопросу о направленіи этого дѣла.

Новочеркасская судебная палата возбудила противъ Попова уголовное преслѣдованіе въ порядкѣ 1085 ст. уст. угол. суд. по обвиненію его 2 ч. 348 и 1542 ст. ул. о нак., т. е. признало, что преступленіе совершено должностнымъ лицомъ и должно разсматриваться въ судебной палатѣ. Въ опредѣленіи палаты основаніемъ для признанія служебнаго характера инкриминируемаго Попову преступленія послужило то, что онъ во время совершенія преступленія состоялъ въ должности полицейскаго и что для приведенія въ исполненіе своего замысла, находясь по должности своей на посту, на улицѣ гор. Новочеркасска, въ присвоенной ему формѣ и пользуясь служебнымъ положеніемъ, безъ всякихъ основаній подвергнулъ случайно проходившую жену купца Елисееву личному задержанію, подъ предлогомъ доставленія ея въ участокъ для наложенія какого-то взысканія и что потерпѣвшая, подчиняясь только такому его служебному положенію, введенная имъ въ заблужденіе, послѣдовала за нимъ и, подъ видомъ сторожевой будки, была введена въ городскомъ саду въ павильонъ и тамъ заперта имъ, лишена такимъ путемъ свободы и подвергнута изнасилованію, сопровождавшемуся угрозами и истязаніями, обнаженіемъ ея въ зимнее время и придаваніемъ ей при изнасилованіи мучительнаго для нея положенія.

Прокуроръ новочеркасской судебной палаты, а вмѣстѣ съ нимъ и областное войска донского правленіе не согласились съ этимъ опредѣленіемъ палаты и признали, что дѣло это подсудно судебнымъ установленіямъ въ общемъ порядкѣ, по признакамъ преступленія, предусмотрѣннаго 1525, 1, 2, 3 и 5-мъ пунктамъ, 1526 ст. улож. о нак.

Настоящее дѣло, по вопросу о подсудности, будетъ слушаться въ общемъ собраніи кассаціонныхъ департаментовъ сената въ ближайшемъ засѣданіи.

—

Соединеннымъ присутствіемъ перваго и кассаціонныхъ департаментовъ сената преданъ суду членъ вѣрненскаго окружнаго суда, с. с. Петерсонъ по обвиненію въ оскорбленіи на словахъ въ совѣщательной комнатѣ во время постановки приговора входившаго въ составъ присутствія почетнаго мирового судьи почетнаго гражданина гор. Вѣрнаго и преподавателя мѣстной гимназіи с. с. Гурде. Это дѣло возникло по слѣдующему поводу. С. с. Гурде былъ приглашенъ 5 августа прошлаго года въ вѣрненскій окружный судъ для пополненія состава присутствія послѣдняго въ судебное его засѣданіе. Въ этотъ день присутствіе состояло изъ предсѣдательствующаго въ засѣданіи члена суда Давыдова, члена суда Петерсона и самого Гурде. Когда судъ удалился въ совѣщательную комнату для постановленія приговора по дѣлу о казакѣ Катунцевѣ, который обвинялся въ убійствѣ въ дракѣ, то тамъ между Гурде и Петерсономъ возникло разногласіе при опредѣленіи наказанія. Послѣ того, какъ Гурде высказался за примѣненіе низшей мѣры наказанія, Петерсонъ, возмущенный его мнѣніемъ, горячо протестовалъ. Предсѣдательствующій присоединился къ мнѣнію Гурде при опредѣленіи наказанія. Раздраженіе Петерсона возрасло, и онъ, между прочимъ, высказался, что это позоръ, что такими приговорами судъ развращаетъ общество и губитъ Россію. Но этимъ Петерсонъ не ограничился, а уже въ ѣдкой

и въ высшей степени оскорбительной для Гурде формѣ сказалъ: «Конечно, понятно, что для него, Гурде, какъ человѣка не русскаго, это все равно, но для русскихъ—стыдно». Это выраженіе, совершенно неожиданное, показалось Гурде чрезвычайно обиднымъ, и онъ вѣжливо просилъ Петерсона обратить вниманіе на то, что онъ такой же русскій человѣкъ, какъ и самъ Петерсонъ, что состоитъ на государственной службѣ 35 лѣтъ и почетнымъ мировымъ судьей 11 лѣтъ и что за это время никогда не подавалъ ни малѣйшаго повода къ обвиненію его въ сознательной несправедливости или невнимательности при исполненіи служебныхъ обязанностей. Словами Гурде, сказанными спокойнымъ тономъ, Петерсонъ еще болѣе раздражился и, потерявъ уже всякое самообладаніе, сталъ порицать его дѣятельность не только какъ судьи, но и какъ преподавателя гимназіи въ самыхъ грубыхъ и оскорбительныхъ выраженіяхъ. Во исполненіе указа правительствующаго сената членомъ ташкентской судебной палаты было произведено разслѣдованіе. Членъ вѣрненскаго окружнаго суда Давыдовъ въ общемъ подтвердилъ все происходившее въ совѣщательной комнатѣ. Въ своихъ объясненіяхъ Петерсонъ также не отрицалъ того, что онъ говорилъ Гурде, но только указывалъ на то, что критика дѣйствій Гурде, какъ мирового судьи и какъ педагога, была высказана имъ въ спокойномъ и сдержанномъ тонѣ. Изъ дѣла, между прочимъ, выясняется, что въ первоначально написанномъ Петерсономъ особомъ мнѣніи по дѣлу Катунцева было прибавлено: «Я крайне возмущенъ такимъ приговоромъ и мнѣ было стыдно и обидно участвовать въ публичномъ объявленіи резолюціи по этому дѣлу; такіе приговоры обращаютъ судъ въ шутку, въ глумленіе надъ правосудіемъ, въ недостойную комедію, которая, однако, стоитъ народу слишкомъ дорого». Это мѣсто изъ особаго мнѣнія было выкинуто потомъ Петерсономъ, такъ какъ оно, по словамъ послѣдняго, очень огорчило предсѣдательствующаго Давыдова. Сенатъ опредѣлилъ: члена вѣрненскаго окружнаго суда Петерсона предать суду ташкентской судебной палаты по I ч. 347 и 286 ст.ст. улож. о наказ.

—

Въ совѣтѣ министровъ назначено разсмотрѣніе разработаннаго министерствомъ торговли и промышленности законопроекта о признаніи за изобрѣтателями права собственности на изобрѣтенія, могущія служить цѣлямъ обороны государства.

Законопроектъ обусловливаетъ пріобрѣтеніе военнымъ и морскимъ вѣдомствами правъ на изобрѣтеніе по добровольному соглашенію съ изобрѣтателемъ и предусматриваетъ возможность отчужденія изобрѣтенія въ случаѣ недостиженія добровольнаго соглашенія.

—

Управляющій отдѣломъ промышленности министерства торговли и промышленности В. П. Литвиновъ-Фалинскій командированъ по Высочайшему повелѣнію въ Германію, Францію и Италію для собиранія свѣдѣній и матеріаловъ по вопросу о страхованіи рабочихъ.

—

Дѣло доктора медицины г. Новикова и редактора «Ур. Края» И. П. Вогулкина, по обвиненію—перваго въ написаніи, а второго въ напечатаніи въ «Ур. Краѣ» письма подъ заголовкомъ «Кому законъ не писанъ», признаннаго екатеринбургскимъ окружнымъ судомъ для себя оскорбительнымъ, судебнымъ слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ г. Екатеринбурга слѣдствіемъ уже закончено и направлено въ сенатъ для передачи его на разсмотрѣніе какого-либо изъ окружныхъ судовъ сосѣднихъ судебныхъ округовъ, такъ какъ екатеринбургскій окружный судъ, какъ заинтересованная сторона, по закону разсматривать его не можетъ.

Имѣются налицо всѣ основанія предполагать, что дѣло гг. Новикова и Вогулкина будетъ передано на разсмотрѣніе уфимскаго окружнаго суда.

—

Военнымъ вѣдомствомъ предположена реформа дисциплинарныхъ частей и военныхъ тюремъ. Для разработки плана проектируемой реформы образуется при главномъ военно-судномъ управленіи временный военно-тюремный отдѣлъ, въ который будутъ переданы изъ главнаго штаба и подлежащихъ главныхъ управленій всѣ дѣла по военно-тюремной части.

—

Въ Благовѣщенскѣ, по распоряженію министра юстиціи, вслѣдствіе донесеній Гучкова, производилось разслѣдованіе ужаснаго положенія арестантовъ на постройкѣ амурской желѣзной дороги. Разслѣдованіе производили лица, причастныя косвенно къ установившимся порядкамъ и, конечно, пришли къ выводу, что донесенія Гучкова только частью справедливы. Штатъ надсмотрщиковъ будетъ замѣненъ другимъ. Фактическіе же руководители распорядковъ останутся прежніе. Положеніе арестантовъ послѣ разслѣдованій еще ухудшилось. Арестанты бѣгутъ. Этому надо приписать все увеличивающееся число разбоевъ.

Библіографія.

Ph. Millet „La crise anglaise“ 3 fr. 50 c. Paris, Colin.

Современный англійскій кризисъ, описанію котораго посвящена интересная книга Милле, можно разсматривать съ двухъ самостоятельныхъ точекъ зрѣнія: чрезвычайный интересъ для изслѣдователя представляетъ, во-первыхъ, финансовая сторона кризиса, нашедшая свое выраженіе въ „соціалистическомъ“ бюджетѣ Ллойдъ-Джорджа и въ принципіальномъ признаніи законности новаго, если можно такъ выразиться, этическаго критерія податного обложенія (обложеніе не только по количеству, но и по источнику доходовъ),—и глубоко интересна и поучительна, во-вторыхъ, та эволюція государственныхъ учрежденій, которая происходитъ въ Англіи на нашихъ глазахъ и заслуживаетъ самаго внимательнаго анализа.

Милле въ своей книгѣ объ англійскомъ кризисѣ пытается охватить обѣ стороны вопроса. Не приходится поэтому удивляться тому, что при всей сложности обоихъ заданій автора, при его стремленіи иллюстрировать изложеніе рядомъ живыхъ и занимательныхъ картинокъ изъ англійской жизни, которыя авторъ имѣлъ возможность наблюдать въ качествѣ лондонскаго корреспондента газеты „Le Trems“,—

280 страницъ книги оказались недостаточными для полной обрисовки переживаемой Англіей эволюціи.

Особенно пострадала часть книги, посвященная анализу чисто-конституціоннаго кризиса. Совершенно обойдено молчаніемъ то любопытное съ теоретической точки зрѣнія разрѣшеніе конфликта между двумя палатами, которое было предложено рядомъ видныхъ консервативныхъ дѣятелей Англіи (въ томъ числѣ лидеромъ уніонистовъ Бальфуромъ) и заключалось въ попыткѣ пересадить на англійскую почву чуждый ей институтъ референдума, ни слова нѣтъ и о соединенныхъ засѣданіяхъ палатъ, предлагаемыхъ многими (по примѣру южно-африканской и австралійской федерацій) въ качествѣ средства для разрѣшенія разногласій, возникающихъ между палатой общинъ и палатой лордовъ. Вето-билль Асквита въ части, касающейся ограниченія палаты лордовъ въ вопросахъ законодательныхъ, актуальныя отношенія между палатами, ослабленіе представительнаго характера нижней палаты,—все это проблемы, оставшіяся почти внѣ поля зрѣнія рецензируемаго автора.

Только три вопроса въ области конституціоннаго конфликта обратили на себя вниманіе Милле: финансовыя права верхней палаты, „слабость“ (неустойчивость) англійской конституціи и реформа состава палаты лордовъ. Посвятивъ нѣсколько страницъ курзарному обозрѣнію постепеннаго ослабленія за послѣднія столѣтія власти верхней палаты въ области финансовыхъ дѣлъ, рецензируемый авторъ переходитъ къ вопросу о „слабости“ англійской конституціи и высказываетъ не лишенный справедливости взглядъ, что въ основѣ англійской государственной жизни лежатъ не всѣми признаваемые, освященные вѣками обычаи, какъ думаютъ многіе, а „двѣ различныхъ, а часто и противорѣчащихъ другъ другу системы обычаевъ: палаты общинъ и палаты лордовъ“ (76 страница).

Въ небольшой по размѣру главѣ о реформѣ состава палаты лордовъ авторъ ограничивается однимъ изложеніемъ проекта, выработаннаго особымъ комитетомъ, избраннымъ палатой лордовъ (Select Committee on the House of Lords) въ 1908 году,—не подвергая указанный весьма несовершенный проектъ ни критикѣ, ни сравненію съ другими многочисленными предложеніями.

Но если разсмотрѣніе текущаго англійскаго кризиса съ государственно-правовой точки зрѣнія оставляетъ желать многаго и не можетъ дать отчетливой картины конституціонной жизни Англіи за послѣдніе годы, то по справедливости слѣдуетъ признать, что финансовая и политико-экономическая сторона кризиса освѣщены авторомъ съ гораздо большими полнотой и знаніемъ дѣла.

Не ограничиваясь „внѣшнимъ“ изложеніемъ бюджетнаго конфликта, авторъ даетъ ясное и довольно подробное описаніе экономическихъ причинъ, его породившихъ.

Изъ представителей различныхъ факторовъ производства бюджетъ Ллойдъ-Джорджа всего сильнѣе отразится на крупныхъ землевладѣльцахъ. Милле посвящаетъ значительную часть изложенія выясненію земельныхъ отношеній, существующихъ въ Англіи, и попутно пытается доказать, что принципъ свободной торговли въ значительной мѣрѣ способствуетъ ослабленію земледѣльческой промышленности въ Англіи.

Нѣкоторымъ отклоненіемъ отъ темы, вытекающимъ изъ самаго характера работы (это собраніе писемъ, печатавшихся въ „Le Temps“), является привлеченіе авторомъ хроническаго въ англійской жизни вопроса о свободной торговлѣ или протекціонизмѣ. Но какъ разъ главы, трактующія объ этомъ вопросѣ, представляютъ несомнѣнный интересъ, усиливаемый приложеніемъ къ книгѣ статистическихъ таблицъ, касающихся Англіи, ея колоній и того вліянія, которое принуждена была бы испытать Франція въ случаѣ осуществленія англійской тарифной реформы.

Книга читается легко и усваивается даже мало подготовленнымъ читателемъ, но указанные ея недостатки дѣлаютъ ее непригодной для полной и всесторонней оцѣнки переживаемыхъ Англіей событій.

Борисъ Шацкій.

Судебная и судебно-административная практика.

Гражданскій кассац. деп. правит. сената.

Если застрахованный въ компаніи „Недажда“ грузъ погибъ отъ мины послѣ прекращенія войны, то можно ли признать компанію не отвѣтственною по смыслу § 8 условій перевозки застрахованныхъ кладей, освобождающаго компанію отъ отвѣтственности за убытки отъ военныхъ дѣйствій?

С.-Петербургскій столичный мировой съѣздъ удовлетворилъ искъ Бориса Трей къ с.-петербугской компаніи „Надежда“ о взысканіи 450 р. страховой преміи за погибшій грузъ на пароходѣ „Князь Горчаковъ“, который наскочилъ на мину и затонулъ вмѣстѣ съ грузомъ, на томъ основаніи, что какъ по буквальному, такъ и по общему смыслу п. п. § 8 заключеннаго сторонами договора, логически не допускающему существованія военныхъ дѣйствій въ мирное время, „военныя дѣйствія“ являютя обстоятельствомъ, устраняющимъ отвѣтственность отвѣтчика въ томъ лишь случаѣ, если грузъ погибнетъ во время войны отъ военныхъ дѣйствій, а не отъ послѣдствій таковыхъ уже послѣ окончанія войны. Въ виду сего и принявъ во вниманіе, что какъ самый договоръ между сторонами, такъ и несчастный случай съ пароходомъ „Кн. Горчаковъ“ произошелъ уже послѣ войны, когда жизнь стала протекать при нормальныхъ условіяхъ и степень риска стала обыкновенной, надлежитъ признать, что пароходъ „Кн. Горчаковъ“ погибъ не отъ военныхъ дѣйствій, а потому компанія „Надежда“ и является обязанной вознаградить истца за понесенные имъ убытки, происшедшіе отъ гибели груза.

Правительствующій сенатъ въ опредѣленіи, не подлежащемъ помѣщенію въ сборникѣ рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго департамента, находитъ: 1) что мировой съѣздъ, установивъ, что лично отъ истца была получена телеграмма съ просьбою о разсмотрѣніи дѣла въ отсутствіе его, выводъ о чемъ относится къ существу дѣла, не подлежащему повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ (ст. 5 учр. суд. уст.), имѣлъ, согласно 145 ст. уст. гр. суд., достаточное основаніе признать, что настоящее дѣло не могло подлежать прекращенію по неявкѣ истца, проживающаго въ Никольскѣ-Уссурійскомъ, и тѣмъ самымъ оставить безъ разсмотрѣнія вторую телеграмму лица неуправомоченнаго; 2) что указаніе просителя въ кассаціонной жалобѣ на то, что съѣздъ оставилъ безъ обсужденія заявленіе его, просителя, въ качествѣ отвѣтчика, объ оставленіи упомянутыхъ телеграммъ безъ движенія за неоплатою ихъ листовымъ сборомъ, не заслуживаетъ уваженія, ибо вторая телеграмма съѣздовъ, какъ выше значится, не была принята во вниманіе; входить же въ обсужденіе вопроса о томъ, была ли первая телеграмма оплачена листовымъ сборомъ, съѣздъ не имѣлъ повода, такъ какъ ему по этому предмету отвѣтчикомъ не было сдѣлано заявленія; 3) что, согласно разъясненіямъ гражданскаго кассаціоннаго департамента правит. сената, условія страхованія, напечатанныя на полисѣ (или квитанціи) и не утвержденныя подлежащею властью (министромъ внутреннихъ дѣлъ),

имѣютъ значеніе лишь условій договора и подчиняются общимъ законамъ о договорахъ, толкованіе которыхъ составляетъ существо дѣла, не подлежащее повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ (рѣш. 1868 г. № 703, 1888 г. № 20, 1897 г. № 62, 1907 г, № 23, 1898 г. № 93); 4) что условія перевозки компаніею „Надежда“ застрахованной клади, напечатанныя на квитанціи, не утверждены въ установленномъ порядкѣ надлежащею властью и посему мировой съѣздъ, признавъ, что пароходъ „Кн. Горчаковъ“, на которомъ перевозился застрахованный въ компаніи „Надежда“ грузъ, погибъ не отъ военныхъ дѣйствій, заключеніе о чемъ относится къ существу дѣла, не подлежащему повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ (рѣш. 1907 г. № 93), имѣлъ достаточное основаніе, отвергнувъ ссылку компаніи „Надежда“ о неотвѣтственности за несчастный случай по п. 8 общихъ условій перевозки застрахованной въ компаніи клади, присудить требуемое истцомъ страховое вознагражденіе; 5) что при самостоятельности главнаго основанія рѣшенія, не могутъ служить поводомъ къ отмѣнѣ его указанія на неправильность дополнительныхъ, по признанію самого просителя, соображеній (рѣш. 1907 г. № 65, 1900 г. № 26), и 6) что приводить въ рѣшеніи критическій разборъ каждаго довода судъ не обязанъ (рѣш. 1887 г. № 10, 1900 г. № 12, 1908 г. № 6). Въ виду изложеннаго правительствующій сенатъ кассаціонную жалобу повѣреннаго ликвидаціонной комиссіи по дѣламъ с.-петербургской компаніи „Надежда“ оставилъ безъ послѣдствій. (Опредѣленіе по дѣлу № 9258—1908 г.).

Первый департаментъ правит. сената.

Правительствующій сенатъ разъяснилъ, что, по общему смыслу ст. 470 уст. о прям. нал., статья эта, предусматривая въ числѣ расходовъ „на управленіе, содержаніе и эксплоатацію предпріятія (п. 1)“ расходы на уплату государственныхъ налоговъ (лит. о), допускаетъ къ исключенію изъ валового дохода лишь такіе расходы этой категоріи, которые, будучи тѣсно связаны съ самой дѣятельностью предпріятія, являются для него необходимыми эксплоатаціонными расходами, обусловливаемыми либо самимъ существованіемъ предпріятія (напр., промысловый налогъ), либо его операціями (напр., акцизные, таможенные, гербовые сборы); крѣпостныя же пошлины, уплачиваемыя предпріятіемъ при переходѣ въ его собственность недвижимаго имущества, не могутъ быть разсматриваемы въ качествѣ эксплоатаціонныхъ расходовъ, а входятъ въ сумму затратъ по пріобрѣтенію имущества. Въ виду сего затраты эти, направленныя къ расширенію предпріятія, не подлежатъ исключенію изъ валового дохода въ годъ ихъ производства, по смыслу лит. б п. 2 ст. 470 уст. прям. нал., а должны отражаться соотвѣтственнымъ увеличеніемъ актива баланса и погашаться не одновременно, а постепенно въ порядкѣ лит. в. п. 2 той же 470 ст. (Указъ отъ 6 іюля 1911 г. за № 7709).

Правительствующій сенатъ разъяснилъ, что, согласно ст. 424 уст. прям. нал., изд. 1903 г., торговымъ предпріятіямъ 3 разряда по скупкѣ для перепродажи партіями всякаго рода отечественнаго сырья, сельскохозяйственныхъ и лѣсныхъ предпріятій и т. п. разрѣшается содержать не болѣе двухъ складочныхъ помѣщеній и, притомъ, исключительно лишь въ предѣлахъ поселенія, гдѣ владѣлецъ предпріятія имѣетъ постоянное жительство, вслѣдствіе чего нахожденіе склада внѣ предѣловъ такого селенія является признакомъ, коимъ предпріятіе независимо отъ размѣровъ оборота и суммы скупки, должно быть отнесено къ высшему разряду, какъ это разъяснено правит. сенатомъ въ указѣ 23 февр. 1909 г. № 2212. (Указъ отъ 28 іюня 1911 года за № 7548).

Правительствующій сенатъ по вопросу о томъ, поскольку могутъ быть допущены къ исключенію изъ валового дохода при исчисленіи прибыли, облагаемой дополнительнымъ процентнымъ сборомъ, частичныя списанія на погашеніе убытковъ по переоцѣнкѣ процентныхъ бумагъ за 1904, 1905 и 1906 года, разъяснилъ, что законъ 24 декабря 1904 года, вызванный рѣзкимъ пониженіемъ цѣны процентныхъ бумагъ въ 1904 г., угрожавшимъ нѣкоторымъ предпріятіямъ въ случаѣ обязательнаго списанія въ убытокъ происшедшей разницы въ цѣнѣ процентныхъ бумагъ, наступленіемъ обязательной для тѣхъ предпріятій по ихъ уставамъ ликвидаціи (Высоч. утв. 23 дек. 1904 г, полож. комит. фин.; собр. узак. 1904 г. № 200, ст. 2049), не содержитъ въ себѣ никакихъ указаній по данному вопросу. Между тѣмъ, по точному смыслу лит. 3 п. 1 ст. 470 уст. прям. нал., изъ валового дохода предпріятій при исчисленіи ихъ податной прибыли могутъ быть исключаемы лишь дѣйствительно произведенныя изъ сего дохода отчисленія на покрытіе убытковъ, понесенныхъ въ операціонномъ отчетномъ году, а не на покрытіе убытковъ за прежніе годы. Однако, законъ 23 декабря 1904 г., имѣвшій цѣлью предоставить указаннымъ въ немъ предпріятіямъ извѣстную льготу, очевидно не имѣлъ въ виду поставить предпріятія, воспользовавшіяся этою льготою, въ неблагопріятныя условія по сравненію съ предпріятіями, этою льготою не воспользовавшимися; между тѣмъ, буквальное примѣненіе лит. 3 п. I, ст. 470 уст. о прям. нал. имѣло бы слѣдствіемъ значительную разницу въ обложеніи промысловымъ налогомъ предпріятій, воспользовавшихся предоставленною имъ льготою на погашеніе убытковъ отъ переоцѣнки процентныхъ бумагъ по сравненію съ предпріятіями, этою льготою не воспользовавшимися, къ невыгодѣ первыхъ. Затѣмъ, разсрочка погашенія убытковъ по переоцѣнкѣ процентныхъ бумагъ была произведена предпріятіями не самовольно, а на основаніи спеціальнаго закона, изданнаго въ цѣляхъ облегченія положенія учрежденій, понесшихъ убытки исключительно вслѣдствіе требованія закона и уставовъ о помѣщеніи значительной части ихъ капиталовъ въ государственныя и гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги. Въ виду изложеннаго и принимая во вниманіе, что учрежденія, воспользовавшіяся предоставленною имъ закономъ 23 декабря 1904 г. льготою, въ дальнѣйшемъ обязывались тѣмъ же закономъ производить въ опредѣленномъ порядкѣ отчисленія на покрытіе оставшейся несписанною единовременно въ убытокъ суммы, правительствующій сенатъ находитъ, что суммы, которыя должны въ размѣрѣ не менѣе $^1/_9$ части образовавшейся разницы списывать ежегодно изъ прибылей, не могутъ считаться убыткомъ 1904, 1905 и 1906 г.г., а являются убыткомъ того года, въ которомъ произведено списаніе, а потому и не подлежатъ включенію въ составъ податной прибыли отчетнаго года. (Указъ отъ 28 іюня 1911 года за № 7550).

Правительствующій сенатъ разъяснилъ, что такъ какъ въ товариществахъ на вѣрѣ участниками въ дѣлѣ и его прибыляхъ являются товарищи и вкладчики, то необходимо признать, что находящіеся въ оборотѣ предпріятія капиталы, не принадлежащіе ни товарищамъ, ни кладчикамъ, должны быть разсматриваемы въ качествѣ капиталовъ заемныхъ долговыхъ, а потому расходы на уплату процентовъ по таковымъ капиталамъ подлежатъ вычету изъ дохода предпріятія въ указанномъ въ законѣ размѣрѣ. (Указъ отъ 28 іюня 1911 года за № 7551).

Правительствующій сенатъ разъяснилъ, что хотя согласно п. а ст. 5 пол. о гор. общ. банк. (св. зак. т. XI ч. 2 уст. кред., разд. XI, изд. 1903 г.) должности директора банка и его товарищей и несовмѣстимы съ званіемъ гласнаго думы, однако это указаніе закона, за неимѣніемъ въ дѣйствующемъ горо-

довомъ положеніи воспрещенія лицамъ, занимающимъ должности товарищей директора городского общественнаго банка, принимать участіе въ выборахъ гласныхъ и самимъ баллотироваться въ гласные,—не можетъ еще служить основаніемъ къ воспрещенію упомянутымъ лицамъ баллотироваться въ гласные, такъ какъ сказанная статья касается непосредственно вопроса лишь о совмѣщеніи званія гласнаго съ должностью по городскому общественному банку, возникающаго уже послѣ избранія директора или товарищей директора городского общественнаго банка въ гласные; право быть гласнымъ, въ силу того же закона, можетъ быть имъ осуществляемо лишь подъ условіемъ оставленія прежней должности по банку. (Указъ отъ 11 іюля 1911 года за № 7883).

Правительствующій сенатъ разъяснилъ, что такъ какъ, на точномъ основаніи ст. 24 гор. пол. 1892 г., правомъ участія въ выборѣ гласныхъ пользуются лица, если они не менѣе года владѣютъ въ предѣлахъ городского владѣнія недвижимымъ имуществомъ, удовлетворяющимъ извѣстнымъ условіямъ, то хотя правит. сенатомъ и признавалось, что требованіе закона о годичномъ срокѣ владѣнія недвижимымъ имѣніемъ, какъ имѣющее своею цѣлью оградить городское управленіе отъ лицъ, не пріобрѣвшихъ достаточно прочной связи съ данной мѣстностью и ея интересами, можетъ не быть соблюдаемо въ отношеніи коренныхъ жителей города, однако разъясненія эти касались лишь тѣхъ случаевъ, когда лицо безпрерывно проживало въ теченіе долгаго времени въ данной мѣстности и владѣло уже недвижимымъ имуществомъ, но въ размѣрѣ, не достигающемъ полнаго избирательнаго ценза. (Указъ отъ 11 іюля 1911 г. за № 7883).

Второй департаментъ правит. сената.

Правительствующій сенатъ разъяснилъ, что сельское общество не въ правѣ обезземеливать своихъ членовъ при общихъ передѣлахъ; тѣхъ же домохозяевъ, которые, отсутствуя изъ мѣста своего жительства, осѣдлости въ обществѣ не имѣютъ и хозяйства въ немъ не ведутъ, оно въ правѣ не надѣлять полевою землею только впредь до возвращенія ихъ въ общество и обзаведенія хозяйствомъ; причемъ, домохозяева, отлучившіеся по срочному паспорту, не могутъ быть исключены изъ числа домохозяевъ, и земля ихъ развернется между односельчанами не подлежитъ. (Указъ по дѣлу кр-нъ д. Березниковъ № 672—1910 г.).

Правительствующій сенатъ разъяснилъ, что лица женскаго пола, состоя домохозяйками въ моментъ требованія объ укрѣпленіи надѣльной земли въ личную собственность, имѣютъ право (ук. 14 іюля 1910 г. № 4257) на безплатное укрѣпленіе за ними причитающагося на ихъ долю—пай участка земли, хотя бы таковые по условіямъ общаго передѣла распредѣлялись на души мужскаго пола. (Указъ по дѣлу Волобуевой № 609—1910 г.).

Правительствующій сенатъ разъяснилъ, что обложенію мірскими сборами на нужды волости подлежатъ (рѣш. 1906 г. № 4665, 1907 г. № 3503 и др.) наравнѣ съ крестьянскими надѣльными землями и земли, пріобрѣтенныя товариществами при содѣйствіи крестьянскаго поземельнаго банка, такъ какъ сіи земли, на основаніи прим. 2 къ ст. 42 (прим. 1 къ ст. 49, изд. 1902 г.) общ. пол. крест., образуютъ территорію волости, причемъ ни въ законѣ (ст. 359—370 общ. пол. крест., изд. 1902 г.), ни въ одномъ изъ приведенныхъ разъясненій такового сенатомъ не содержится какихъ-либо указаній на то, чтобы владѣніе крестьянами, помимо товарищеской, еще и надѣльной землею освобождало бы первую отъ платежа мірскихъ повинностей, если только основаніемъ раскладки является земля. (Указъ по дѣлу Розгона и др. № 744—1910 г.).

Судебный департаментъ правит. сената.

Въ своей жалобѣ московскому коммерческому суду повѣренный торговаго дома „С. Н. Дмитріевъ, А. Н. Сергѣевъ и П. Е. Рогожинъ“ объяснилъ, что присяжный попечитель, назначенный къ дѣламъ торговаго дома „С. С. и Е. В. Корзинкины и Ко“, не оповѣстивъ наличныхъ кредиторовъ торговаго дома и не получивъ общаго отъ нихъ уполномочія, вступилъ въ производящіяся въ московскомъ окружномъ судѣ исковыя дѣла администраціи означеннаго дома съ разными лицами и выдалъ на веденіе этихъ дѣлъ довѣренность прис. пов. Адель. Признавая означенныя дѣйствія присяжнаго попечителя неправильными, повѣренный торговаго дома „С. Н. Дмитріевъ, А. П. Сергѣевъ и П. Е. Рогожинъ“, просилъ коммерческій судъ предписать присяжному попечителю истребовать обратно отъ прис. пов. Аделя выданную ему довѣренность, а отъ участія въ судебныхъ процессахъ воздержаться.

Московскій коммерческій судъ въ просьбѣ отказалъ, признавъ, что присяжный попечитель, будучи фактически лишенъ возможности созвать общее собраніе кредиторовъ, въ правѣ былъ, какъ „добрый хозяинъ“, принять мѣры къ защитѣ интересовъ торговаго дома, не ожидая общаго собранія.

Правительствующій сенатъ призналъ частную жалобу повѣреннаго торговаго дома „С. Н. Дмитріевъ, А. Н. Сергѣевъ и П. Е. Рогожинъ“ незаслуживающею уваженія въ виду того, что хотя по смыслу ст. 425—429 уст. суд. торг. присяжный попечитель вообще дѣйствуетъ вмѣстѣ съ наличными кредиторами, однако это положеніе не исключаетъ необходимости принятія имъ въ исключительныхъ случаяхъ мѣръ по охранѣ имущества несостоятельнаго единолично и не дѣлаетъ ихъ посему безусловно неправильными, а для кредитора, признающаго его дѣйствія неправильными, даетъ лишь поводъ къ жалобѣ суду, которому подчиненъ въ своихъ дѣйствіяхъ присяжный попечитель съ цѣлью разъясненія, не противорѣчатъ ли принятыя мѣры обязанностямъ попечителя и законному порядку (рѣш. 1893 г. № 778 и др.); на попечителя же возлагается обязанность довести о принятыхъ мѣрахъ до свѣдѣнія суда и кредиторовъ, какъ хозяевъ массы, при дачѣ отчета до одобренія его дѣйствій (ст. 456 и 457 уст. суд. торг.). А такъ какъ дѣйствія присяжнаго попечителя уже были впослѣдствіи предметомъ обсужденія кредиторовъ въ общемъ собраніи и имъ одобрены, то къ обсужденію ихъ правильности или неправильности оснований не оказывается. (Указъ отъ 24 іюня 1911 года за № 1662).

Правительствующій сенатъ разъяснилъ, что при отсутствіи или непредставленіи товарищескаго договора, товарищи вообще предполагаются равноправными, т. е. свободными отъ обязанности отчитываться другъ передъ другомъ; поэтому при отсутствіи товарищескаго договора для признанія за однимъ изъ соучастниковъ общаго предпріятія права требовать по одному отчета отъ другого необходимо установить такія обстоятельства, какъ напримѣръ фактъ веденія общаго дѣла всецѣло однимъ изъ соучастниковъ, которыя фактически установляли бы и оправдывали необходимость отчетности одного передъ другимъ. (Указъ по д. Новакъ отъ 23-го іюня 1911 года за № 1708).

Повѣренный А. Суворина въ своей жалобѣ прав. сенату указывалъ на неправильное исчисленіе с.-пе-

тербургскимъ коммерческимъ судомъ срока на подачу жалобы на его опредѣленіе.

Правительствующій сенатъ призналъ, что по смыслу ст. 345 и 356 уст. суд. торг., разъясненному неоднократными опредѣленіями правит. сената (опред. 1889 г. № 1867 и др.) опредѣленіе частное, состоявшееся въ личномъ присутствіи обѣихъ сторонъ или ихъ повѣренныхъ, объявляется имъ тутъ же лично, съ какового дня и долженъ исчисляться установленный ст. 365 уст. суд. торг. восьмидневный на обжалованіе срокъ, и уже отъ сторонъ зависитъ, по смыслу 347, ст. являться въ канцелярію суда и освѣдомляться о послѣдовавшихъ опредѣленіяхъ и мотивахъ суда; если же правительствующимъ сенатомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и признавалась необходимость исчисленія срока не со дня провозглашенія резолюціи, а со времени объявленія изложеннаго на письмѣ опредѣленія въ окончательной формѣ, то это касалось опредѣленій, хотя и разрѣшавшихъ дѣло по существу, но лишь разсматриваемыхъ по закону въ частномъ порядкѣ. Что же касается указанія жалобщика на невозможность обжалованія до объявленія мотивовъ опредѣленія суда, то оно представляется неуважительнымъ, такъ какъ незнаніе мотивовъ не препятствовало принесенію частной жалобы, для сохраненія срока на обжалованіе и послѣдующаго ея дополненія (Указъ отъ 23 іюня 1911 года за № 1705).

Указы с.-петербургскому коммерческому суду.

По иску варшавской конторы государственнаго банка къ администраціи по д. акціонернаго общества фабрики занавѣсей и кружевныхъ мануфактуръ „М. С. Файнкиндъ“ объ обращеніи ея въ конкурсъ, апелляторъ изложилъ, что судомъ не соблюдены правила ст. 166—182 уст. суд. торг. о вызовѣ отвѣтчика, такъ какъ суду надлежало вызвать всѣхъ четырехъ администраторовъ, а въ виду выбытія двухъ изъ нихъ пріостановить разборъ дѣла впредь до выбора новыхъ.

Правительствующій сенатъ находитъ это указаніе неправильнымъ, такъ какъ на обязанности суда лежало вызвать отвѣтчика, т. е. администрацію по дѣламъ общества, что и было исполнено, а уже отъ администраціи зависѣло явиться въ судъ въ лицѣ установленнаго числа администраторовъ или особаго уполномоченнаго. Что же касается указанія повѣреннаго администраціи Брамсона на то, что одинъ изъ трехъ администраторовъ, подписавшихъ ему довѣренность, выбылъ изъ состава администраціи, а потому требуется новая довѣренность, то оно не имѣетъ значенія, такъ какъ Брамсонъ являлся уполномоченнымъ администраціи, а не отдѣльныхъ администраторовъ, поэтому и измѣненія въ личномъ составѣ администраціи представляются для силы довѣренности безразличными, и Брамсонъ продолжалъ оставаться повѣреннымъ администраціи, несмотря на выбытіе одного изъ администраторовъ (рѣш. гр. касс. деп. 1893 г. № 13, 1877 г. № 254). Точное соблюденіе правилъ ст. 166—182 уст. суд. торг. о вызовѣ отвѣтчика и отложеніе при неявкѣ разбора дѣла необходимо при первоначальномъ вызовѣ сторонъ, но разъ отвѣтчикъ являлся въ судъ и давалъ отвѣтъ, дальнѣйшее отложеніе разсмотрѣнія дѣла зависитъ отъ усмотрѣнія суда въ зависимости отъ степени выясненія дѣла. Въ виду сего правительствующій сенатъ рѣшеніе коммерческаго суда, коимъ искъ былъ удовлетворенъ, оставилъ въ силѣ. (Указъ отъ 14 іюня 1911 года за № 1590).

Правительствующій сенатъ разъяснилъ, что по общему смыслу ст. 181, 182, 352 и 353 уст. суд. торг., а также ст. 310 уст. гр. суд., рѣшеніе суда, состоявшееся безъ бытности отвѣтчика, вызваннаго къ суду и являвшагося въ засѣданія суда и не присутствовавшаго лишь при постановленіи рѣшенія, а затѣмъ выбывшаго безъ вѣдома суда и безъ указанія новаго мѣстожительства, считается объявленнымъ со дня, обозначеннаго въ повѣсткѣ, при которой послана копія съ рѣшенія по заявленному въ судѣ мѣсту жительства. (Указъ по д. Вольсова отъ 14 іюня 1911 года за № 1592).

С.-петербургскій коммерческій судъ по дѣлу В. Скородумова съ управленіемъ жел. дорогъ призналъ, что ст. 125 общ. уст. россійск. жел. дор., устанавливающая въ отношеніи желѣзныхъ дорогъ въ изъятіе изъ общаго правила общегражданскую подсудность предъявляемыхъ къ нимъ исковъ по перевозкѣ, распространяется и на контрагентовъ желѣзн. дорогъ по договорамъ о перевозкѣ грузовъ по прямому сообщенію, на основаніи 10 и 120 ст. общ. уст. ж. дор.

Правительствующій сенатъ разъяснилъ, что ст. 125 общ. уст. жел. дор., являясь закономъ спеціальнымъ, отмѣняющимъ дѣйствіе общихъ законовъ по дѣламъ извѣстнаго рода, не можетъ подлежать распространительному толкованію; въ виду сего и за отсутствіемъ прямого указанія на иски, предъявляемые къ пароходствамъ, какъ въ этой, такъ и въ 128 ст. устава жел. дор., эти спеціальныя законоположенія не могутъ быть распространяемы на перевозку грузовъ пароходнымъ обществомъ, хотя бы грузъ перешелъ къ нему отъ желѣзной дороги по договору о перевозкѣ прямого сообщенія. Въ виду изложеннаго правительствующій сенатъ, отмѣнивъ опредѣленіе коммерческаго суда, призналъ настоящее дѣло ему подсуднымъ. (Указъ отъ 14 іюня 1911 года за № 1598).

Указъ московскому коммерческому суду.

Въ исковомъ прошеніи повѣренный московской коммерческой биржевой артели изложилъ, что отвѣтчикъ, атлетъ Ив. Лебедевъ, арендуя въ 1909 г. театръ „Акваріумъ“ въ Москвѣ, взялъ отъ коммерческой биржевой артели для службы въ театрѣ 9 человѣкъ артельщиковъ съ платою по 60 руб. въ мѣсяцъ и принялъ отъ артели въ обезпеченіе аккуратной ихъ службы залогъ первоначально въ суммѣ 4.000 руб. и добавочно—1.000 руб. Не уплативъ причитающагося артельщикамъ жалованья, Лебедевъ отказался возвратить артели и залогъ въ 5.000 руб., каковую сумму повѣренный артели и просилъ присудить въ пользу истца.

Лебедевъ заявилъ отводъ о неподсудности сего иска коммерческому суду на томъ основаніи, что онъ является антрепренеромъ театра „Акваріумъ“, и такъ какъ настоящій искъ вытекаетъ изъ эксплоатаціи театральныхъ предпріятій, то онъ, какъ таковой, согласно неоднократнымъ разъясненіямъ правит. сената, коммерческому суду не подсуденъ.

Московскій коммерческій судъ нашелъ отводъ о неподсудности не заслуживающимъ уваженія, такъ какъ указываемыя разъясненія сената предусматриваютъ лишь иски объ арендѣ театра и отношеніяхъ сторонъ по театральной антрепризѣ, между тѣмъ должности контролеровъ и кассировъ, на которыя взяты артельщики, прямого отношенія къ театральной антрепризѣ не имѣютъ.

Правительствующій сенатъ разъяснилъ, что ссылка Лебедева на разъясненія сената не представляется правильною, ибо правит. сенатомъ признавались неподсудными коммерческому суду лишь иски, вытекающіе изъ отношеній по театральной антрепризѣ, т. е. изъ отношеній между антрепренеромъ и артистическою труппою, каковыя отношенія не могутъ быть признаны торговыми; но коль скоро дѣятельность антрепренера касается эксплоатаціи театра, какъ источника доходовъ, то она утрачиваетъ свой неторговый характеръ, почему правит. сенатъ и

признавалъ неподсудными коммерческому суду иски къ антрепренерамъ по отношеніямъ ихъ съ арендаторами вѣшалокъ, содержателями буфетовъ и т. п. Въ виду сего въ каждомъ данномъ случаѣ, когда возникаетъ споръ о подсудности коммерческому суду иска къ антрепренеру, разрѣшенію суда подлежитъ вопросъ о томъ, проистекаютъ ли отношенія, на коихъ искъ основанъ, изъ дѣятельности антрепренера, какъ контрагента артистической труппы, или изъ его дѣятельности по извлеченію доходовъ отъ театральнаго предпріятія. Въ отношеніи сего вопроса въ примѣненіи къ настоящему дѣлу правит. сенатъ находитъ, что обращенный къ Лебедеву искъ имѣетъ основаніемъ своимъ договоръ о наймѣ 9 артельщиковъ для несенія должностей кассировъ и контролеровъ, каковой договоръ не можетъ не быть признанъ имѣющимъ торговый характеръ, ибо наемъ кассировъ и контролеровъ имѣетъ исключительною цѣлью ту сторону антрепренерской дѣятельности, которая касается извлеченія доходовъ изъ театральнаго предпріятія. Въ виду изложеннаго правительствующій сенатъ жалобу Лебедева оставилъ безъ послѣдствій. (Указъ отъ 4 іюля 1911 г. за № 1759).

Списокъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Касс. Деп. Правит. Сената.

На 28 е іюля, по 2 отд. угол. касс. деп.

Жалобы: Мерзонъ сарат. о. с. 1523 ул.; Скорякова и др. екатер. о. с. 1484 ул.; Еркина астрах. о. с. 1489 и 2 ч. 1490 ул.; Кузнецова троицк. о. с. 170[1] уст.; Филя екатерин. о. с. 1629, 1633 и 977 ул.; Вителіева тамб. о. с. 2 ч. 1612 ул.; Липовскаго и Сороко витебск. о. с. 221 ул.; Лившицъ и Крутя ковел. о. с. 529 уг. ул.; Шафаревича и Лопатича виленск. о. с 1489 ул.; Савицкаго моск. о. с. 1629 ул.; Литвиненко полт. о. с. 1523 ул.; Андреева моск. о. с. 1612 ул.; Хрѣнова каш. о. с. 1453 ул.; Міусенко (Мойсѣенко) луб. о. с. 1006 ул.; Петрусянца екатеринб. о. с. 1651 ул.; Мацнева тифл. с. п. 354 ул.; Дашковскаго екатериносл. о. с. 294 ул.; Михайловой и Митишина таганрог. о. с. 1451 и 1453 ул.; Магомеджанова таганр. о. с.; 1630 ул.; Васенина вятск. о. с.; 1455 ул.; Корновскаго варш. с. п. 951 ул.; Фагротъ оглы и Деливара Мелла Османъ оглы тифл. с. п. 1454 ул.; Кожурина ставропол. о. с. 1653 ул.; Щербакова тамб. о. с. 1160 ул.; Мамонтова псковск. о. с. 1489 ул.; Зельмановича и Андріанова новгор. о. с. 1647 ул. и 172 уст.; Фролова пенз. о. с. 1455 ул.; Кнышева екатеринодарск. о. с. 1483 ул.; Коптева ставропольск. о. с. 1654 ул.; Ланскаго ставроп. о. с. 1643 ул.; Буринскаго вил. о. с. 1654[2] ул.; Небескаго и Таубера варш. с. п. 102 уг. ул.; Ольшукова вологодск. о. с. 1163 ул.; Назаренко сумск. о с. 1654 ул.; Моякова и др. пенз. о. с. 1645 ул.; Терзи и Яцковскаго одес. с. п. 303 ул.; Шаповалова новочерк. с. п.; Марковца и др. мог. о. с. 1629 ул; Куля вез.-вейс. м. с.; Зильбермаоовъ варш. гор. м. с.; Аймалетдинова и Саражетдинова спб. ст. м. с. 180 уст.; Трапкина спб. ст. м. с.; Конѣшкова нижегор. о. с. 1160 ул.; Михайлова нижегор. о. с. 931[1] ул.; Гуткина и Тремпольца хар. о. с. 1455 ул.; Староконя екатериносл. о. с. 1654[1] ул.; Сигова каз. с. п. 354 ул.; Нарица и Тууля спб. с. п. 1692 ул.; Агіашвили тифл. с. п. 1666 ук.; Медниса спб. с. п. 100 уг. ул.; Квятковскаго и др. спб. с. п. 303 и 362 ул.; Бечиръ-оглы спб. с. п. 1643 ул.; Мазкова и др. спб. с. п. 1489 ул.; Сокулинскаго одес. с. п. 1484 ул.; Горшкова и др. сарат. с. п. 987[1] ул.; Матусевича и Шевченко ирк. с. п. 1452 ул.; Иванова ирк. с. п. 1489 ул.; Зейдмана и Ржепы варш. с. п. 1692 ул.; Некрасова каш. о. с. 1655 ул.; Курчавова каш. о. с. 1647 ул.; Ларіонова иск. о. с. 1630 ул.; Гринчука и Жука уманск. о. с. 269 ул.; Шевчика и Харитонова минск. о. с. 1654 ул.; Дворникова и др. ставроп. о. с. 1641 ул.; Шевченко ставроп. о. с.; 1610 ул.; Панкина таганр. о. с. 1593 ул.; Фидрика и Лопушняка елисаветградск. о. с. 1489 ул.; Болотова костр. о. с. 1612 ул.; Чибышева нижегородск. о, с. 1534 ул.; Сгражкова тифл. с. п. 1455 ул.; Лушникова троицк. о. с. 1652 тл.; Черни-оглы екатеринодарск. о. с. 576 ул.; Рыбалкина и Иванова саратовск. о. с. 556 и 567 ул.; Шевырева рост. на-Д. м. с.; Ольвицкаго сувалкск. 2 окр. м. с.; Татаренко виленск. о. с. 940 ул.; Буаевича и Лукьянова ставропольск. о. с. 1453 ул.; Сліозберга спб. ст. м. с.; Купчевской спб. с. п.; Новикова минск. о. с. 1654[1] ул.; Кукина екатериносл. о. с.; Фигурскаго варш. с. п.; Жуковыхъ спб. ст. м. с.; Селедцова кіев. о. с. 1489 ул.; Фрейдкова елецк. о. с. 1666 ул.; Бройде одес. о. с. 169 уст.; Бѣляева великолуцк. о. с. 1489 ул.; Журкина ирк. с. п. 556 ул.; Ежовой владим. о. с. 1655 ул.; Соколова и Звѣрева таганр. о. с. 1642 ул.; Союна Мамедъ-Гасанъ-оглы тифл. с. п. 1455 ул.; Гонцова моск. с. п. 313 ул. и 445 уст. о ссыльн. по прод. 1906 г.; Дмитріева харьк. о. с. 1651 ул.; Колесникова и др. таганр. о. с. 1654[2] ул.; Сажина яросл. о. с. 1484 ул.; Романова и др. елецк. о. с. 931[1] ул.; Иванова новгор. о. с. 1655 ул.; Морозова одесск. о. с. 1630 ул.; Кирпенко полт. о. с. 1484 ул.; Муфтахиндитова и Кагарманова уфимск. о. с. 1630 ул.; Васильченко екатериносл. о. с. 1631 ул.; Козловскаго вил. с. п.; Тесли екатериносл. о. с.; Эрлиха варш. с. п.; Жоравскаго вил. с. п.; Соломонова вил. с. п.; Оппермана харьк. с п.; Фишмана вил. м. с.; Сломской вил. м. с.; Самойлова харьк. с. п.; Малова черниг. о. с.; Канивецкаго ирк. с. п.; Завалинскаго новоч. с. п.; Матикова тифл. с. п.; Караваева каз. с. п.; Шумовскаго ломж. 1 окр. м. с.; Гольдберга вил. с. п.; Киви юр.-верр. м. с.; Свидера петроковск. 2 окр. м. с.; Ламъ камен. м. с.; Головневой вил. гор. м. с.; Миронера варш. гор. м. с.; Шульца-Кувшинскаго новоч. с. п.; Минкевича витебск. о. с.; Кислякъ харьк. о. с. 1609 ул.; Хруслова спб. ст. м. с. 169 ул.

Протесты: товар. прок.: сам. о. с. Варсобинина и др. 1647 ул.; екатеринод. о. с. Агапова и др. 1632 ул.; винницк. о. с. Козловскаго 169 уст.; мин. о. с. Лабоцы 1484 ул.; костром. о. с. Соколова 169 уст.; екатеринб. о. с. Торговичева 1654[1] ул.; витебск. о. с. Свирищевскаго и др. 1449 ул.; варш. с. п.—мин. о. с. Омельяновича 1484 ул.; могил. о. с. Шаповалова и Шустова 1564 ул.; спб. о. с. Зорина 1647 ул.; елисаветградск. о. с. Бибикова 1655 ул.; троицк. о. с. Ермолаева 170 уст.; екатеринод. о. с. Враженко 1484 ул.; спб. о. с. Оноре.

Издатель: В. М. Гессенъ. Отвѣтственный редакторъ: П. С. Кравцовъ.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Списокъ лицъ, ограниченныхъ въ правоспособности.

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Поводъ къ ограниченію правоспособности, статья и номеръ сенатскихъ объявленій.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Агарковъ, Яковъ Сергѣевъ каз.	С. о. 21 іюля № 58. Опека надъ имущ. по расточит. Р. VII, ст. 494.	Первая дон. окр. опека.
Александровъ, Егоръ Игнатьевъ, кр.	С. о. 25 іюля № 59. Опека надъ имущ. по нетрезв. расточит. Р. VII, ст. 503.	Тульск. губ. пр.
Бодюковъ, Яковъ, кр.	С. о. 25 іюля № 59. Опека надъ имущ. по нетрезв. и расточительн. жизни. Р. VII, ст. 497.	Самарск. губ. пр.
Бодюковъ, Илья Яковлевъ, кр.	С. о. 25 іюля № 59. Опека надъ имущ. по нетрезв. и расточительн. Р. VII, ст. 497.	Самарск. губ. пр.
Борисовъ, Василій Васильевъ, кр.	С. о. 25 іюля № 59. Опека надъ имущ. по нетрезв. и расточит. Р. VII, ст. 498.	Самарск. губ. пр.
Воловальскій, Моисей-Шая Айзиковъ, мѣщ.	С. о. 21 іюля № 58. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 802.	Одесск. о. с.
Грязновъ, Алексѣй Афонасьевъ, кр.	С. о. 21 іюля № 58. Опека надъ личн. и имущ. по душевн. болѣзни. Р. VII, ст. 492.	Иваново - Вознесенск. гор, с. с.
Зазнобинъ, Андрей Александровъ, кр.	С. о. 21 іюля № 58. Опека надъ имущ. по расточительн. Р. VII, ст. 495.	Земск. нач. 5 уч. Нерехтск. у.
Заворотновъ, Павелъ Ивановъ, мѣщ.	С. о. 21 іюля № 58. Опека надъ личн. и имущ. по душевн. болѣзни. Р. VII, ст. 491.	Новозыбковск. гор. с. с.
Иферовъ, Дмитрій Ивановъ, кр.	С. о. 21 іюля № 58. Опека надъ имущ. по расточительн. Р. VII, ст. 496.	Земск. нач. 5 уч. нерехтск. у.
Катаржинъ, Иванъ Петровъ, кр.	С. о. 25 іюля № 59. Опек. управл. надъ имущ. по нетрезв. и расточит. Р. VII, ст. 500.	Самарск. губ. пр.
Колокольцева, Елизавета, дв.	С. о. 25 іюля № 59. Опекунство надъ имущ. по умалишенію. Р. VII, ст. 501.	Спб. дв опеки.
Кощеевъ, Абрамъ Кондратьевъ, кр.	С. о. 25 іюля № 59. Опек. управл. надъ имущ. по нетрезв. и расточит. Р. VII, ст. 499.	Самарск. губ. пр.
Личковахъ, Владиміръ Михаиловъ, штурм. 1 раз.	С. о. 21 іюля № 58. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 801.	Одесск. о. с.
Личковахъ, Елизавета Васильева, ж. штур.	С. о. 21 іюля № 58. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 801.	Одесск. о. с.
Михайлова, Александра Иванова, п. п. гр.	С. о. 21 іюля № 58. Опека надъ личн. и имущ. по умолишен. Р. VII, ст. 488.	Спб. с. с.
Назаровъ, Степанъ Яковлевъ, мѣщ.	С. о. 25 іюля № 59. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 817.	Оренбургск. о. с.
Никитинъ, Петръ Лукьяновъ, кр.	С. о. 21 іюля № 58. Опека надъ имущ. по нетрезв. и расточит. Р. VII, ст. 490.	Тульск. губ. пр.
Пустовойтъ, Иванъ Федоровъ, кр.	С. о. 21 іюля № 58. Опека надъ имущ. по нетрезв. и расточит. Р. VII, ст. 487.	Зем. нач 1 уч. кирятинск. у.
Прокудинъ, Владиміръ Афонасьевъ, кр.	С. о. 25 іюля № 59. Опека надъ имущ. по нетрезв. и расточительн. Р. VII, ст. 502.	Тульск. губ. пр.

Свирцовъ, Филиппъ Емельяновъ, кр.	С. о. 25 іюня № 59. Опека надъ имущ. по нетр. и расточительн. Р. VII, ст. 504.	Тульск. губ. пр.
Сулинъ, Порфирій Ѳедоровъ, урядн.	С. о. 21 іюля № 58. Опека надъ имущ. по расточит. Р. VII, ст. 493.	Первая Дон. окр, опека.
Шерманъ, Хиль-Хаимъ, куп.	С. о. 21 іюля № 58. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 804.	Радомск. о. с.
Шефъ, Израиль, куп.	С. о. 21 іюля № 58. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 805.	Радомск. о. с.
Шліомовичъ, Эрихъ Боруховъ, мѣщ.	С. о. 14 іюля № 58. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 800.	Кишиневск. о. с.
Шмидтъ, Николай Эдуардовъ, с. куп.	С. о. 21 іюля № 58. Опека надъ личн. и имущ. по сумасшеств. Р. VII, ст. 489.	Спб. с. с.
Шталь, Ицекъ, куп.	С. о. 21 іюля № 58. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 803.	Радомск. о. с.

Списокъ лицъ, освобожденныхъ отъ ограниченія въ правоспособности.

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Статья и номеръ сенатск. объявленій, гдѣ распубликовано объ ограниченіи правоспособности и о прекращеніи таковаго.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Дьяконова, Александра Иванова, д. куп.	С. о. 21 іюля № 58. Прекращ. опека (учрежд.—с. о. 1900 г. № 27, ст. 110), Р. VIII, ст. 299.	Хоперск. окружн. опека.
Ипполитовъ, Петръ Тихоновъ, мѣщ.	С. о. 25 іюля № 59. Прекращ. дѣло о несостоят. (первон. публ.—с. о. 1907 г. № 86, ст. 1034), Р. VIII, ст. 303.	Спб. к. с.
Кулаковъ, Александръ Дмитріевъ, куп.	С. о. 21 іюля № 58. Прекращ. дѣло о несост. (первон. публ.—с. о. 1908 г. № 19, ст. 216), призн. неосторожн. Р. VIII, ст. 298.	Сарапульск. о с.
Курочкинъ, Александръ Михайловъ, мѣщ.	С. о. 21 іюля № 58 Прекращ. опека (учрежд.—с. о. 1894 г. № 77, ст. 182), за смертью его. Р. VIII, ст. 297.	Ярославск. с. с.
Ларіоновъ, Николай Варламовъ, кр.	С. о. 21 іюля № 58. Прекращ. дѣло о несостоят. (первон. публ.—с. о. 1908 г. № 38, ст. 468), призн. неосторожн. Р. VIII, ст. 296.	Казанск. о. с.
Степановъ, Дмитрій Степановъ, мѣщ.	С. о. 21 іюля № 58. Прекращ. опека (учрежд. с. о. 1909 г. № 97) за смертью его. Р. VIII, ст. 300.	Елецк. гор. с. с.
Т-ва невскаго металлическаго завода.	С. о. 25 іюля № 59. Прекращ. дѣло о несостоят. (первон. публ.—с. о. 1907 г. № 26), за оконч. конкурсомъ возлож. на него обяз. Р. VIII, ст. 305.	Спб. к. с.
Трифоновъ, Василій Трифоновъ, кр.	С. о. 25 іюля № 59. Прекращ. дѣло о несостоят. (первон. публ.—с. о. 1906 г. № 97, ст. 116), призн. неосторожн. Р. VIII, ст. 301.	Спб. к. с.
Турыгинъ, Иванъ Филипповъ, куп.	С. о. 25 іюля № 59. Прекращ. дѣло о несостоят. (первон. публик.—с. о. 1906 г. № 56, ст. 642), призн. неосторожн. Р. VIII, ст. 302.	Спб. к. с.
Ушановъ, Григорій Андреевъ, куп.	С. о. 25 іюля № 59. Прекращ. дѣло о несостоят. (первон. публ.—с. о. 1905 г. № 29, ст. 363), призн. неосторож. Р. VIII, ст. 304.	Спб. к. с.

Списокъ уничтоженныхъ довѣренностей.

Кѣмъ выдана довѣренность.	Кому выдана довѣренность.	Гдѣ и когда явлена. Статья и номеръ сен. объявл., гдѣ распубликовано объ уничтоженіи.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Акуловымъ, Филиппомъ Матвѣевымъ (зв. не ук.).	Винникову, Анатолію Георгіеву (зв. не ук.).	С. о. 25 іюля № 59. У екатеринодарск. нотар. Глоба-Михайленко, 5 іюля 1910 г. Р. IV, ст. 297.	Екатеринод. о. с.
Акуловымъ, Филиппомъ Матвѣевымъ (зв. не ук.).	Винникову, Анатолію Георгіеву (зв. не ук.).	С. о. 25 іюля № 59. У екатеринодарск. нотар. Глоба-Михайленко, 5 іюля 1910 г. Р. IV, ст. 298.	Екатеринод. о. с.
Бабаниной, Маріей Андреевой, кр.	Пелипенко, Акиму Петрову, кр.	С. о. 25 іюля № 59. У пятигорскаго нот. Чилаева, 14 августа 1910 г. Р. IV, ст. 300.	Ставропольск. о. с.
Басалія, Бурдгу, кр.	Басалія, Михаилу.	С. о. 21 іюля № 58. У Зугдидскаго нот. 23 октября 1910 г. № 1125. Р. IV, ст. 292.	Мир. судья зугдидск. отд.
Борзаковскимъ, Петромъ Ивановымъ, инж. техн.	Рабиновичу, Исааку Израилееву, мѣщ.	С. о 25 іюля № 59. У читинск. нот. Рацевича-Станевича. 15 мая 1910 г. Р. IV, ст. 296.	Иркутск. о. с
Бржозовскимъ, Владиславомъ Ивановымъ, дв.	Сарнель-Сарделевичу, Антону Антонову, дв.	С. о. 25 іюля № 59. У смоленск. нотар. Шемерлинга, 22 апр. 1902 г. № 1033. Р. IV, ст. 294.	Смоленск. о. с.
Васадзе, Ефиміемъ Лазаревымъ.	Лазареву, Ивану Лазареву.	С. о. 21 іюля № 58. У батумскаго нотар. Павловича, 7 ноября 1906 г. № 3601. Р. IV, ст. 288.	Мир. судья батумск. отд.
Емельянцевымъ, Иваномъ Васильевымъ, куп.	Цвилинскому, Петру Евстафьеву, пр. пов.	С. о. 21 іюля № 58. У устькаменногорскаго нот. Будкевича. 11 ноября 1909 г. № 1898. Р. IV, ст. 293.	Семипалатинск. о. с.
Жукомъ, Аронмъ Давидовымъ, куп.	Коварскому, Давиду Копелеву, куп.	С. о. 25 іюля № 59. У виленскаго нотар. Ильяшенко, 16 марта 1910 г. № 3890. Р. IV, ст. 295.	Виленск. о. с.
Мечикомъ, Мееромъ Юделевымъ, мѣщ.	Мечику, Давиду Юделеву, мѣщ.	С. о. 21 іюля № 58. У брестъ-литовск. нот. Чубинскаго, 24 дек. 1907 г. № 2547. Р. IV, ст. 290.	Гродненск. о. с.
Нехорошевою, Дарьею Алексѣевою, мѣщ.	Юматову, Александру Васильеву, колл. сов.	С. о. 21 іюля № 58. У курскаго нот. Петряева, 2 марта 1901 г. № 770. Р. IV, ст. 291.	Курск. о. с.
Рамзиной, Еленой Кузьминой, кр.	Круглову, Константину Петрову, канц сл.	С. о. 25 іюля № 59. 16 ноября 1910 г. Р. IV, ст. 299.	Самарск. о. с.
Соломонъ, Екатериной Михайловой, дв.	Филимонову, Евгенію Владимирову, сыну ея.	С. о. 21 іюля № 58. Р. IV, ст. 289.	Повѣр. дв. Екатерины Михайловой—Леонтій Терентьевъ Лукьяновъ.
Тарасенко, Федоромъ Карповымъ, кр.	Тарасенко, Івану Федотову, кр.	С. о. 25 іюля № 59. У пристава 1 уч. г. Новочеркасска, мар. мѣс. 1909 г. Р. IV, ст. 301.	Тарасенко, Ф. К. ж. г. Сумахъ.

Типографія товарищества „Общественная Польза“, Спб., Большая Подъяческая, 39.